

Глобализация и девиантность в России¹

Никто, я думаю, не будет оспаривать факт наличия глобальной социальной системы.

Н. Луман

Реальность является девиантной.

Н. Луман

Определимся с понятиями

Тема *глобализации* (*globalization*) является одной из активно обсуждаемых в современных общественных науках и публицистике со всеми вытекающими из ее «модности» позитивными и негативными последствиями².

Само понятие «глобализация» многозначно и дискуссионно. Под глобализацией понимают³:

- развитие экономической и политической взаимозависимости стран и регионов мира до такого уровня, на котором становится возможной и необходимой постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления;

¹ Глобализация в российском обществе / ред. И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 399-508.

² Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Изд. 4-е. М.: Экономика, 2004. С.81-84; Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Многоликая глобализация / ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект-Пресс, 2004; Проблемы глобализации // Pro et Contra Т.4, № 4. 1999; Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии целостности. М.: МОНФ, 1999; Этнос глобального мира. М., 1999; Baylis J., Smith S. (Eds.) The Globalization of World Politics. Oxford University Press, 1997; Mittelman J.H. (Ed.) Globalization: Critical Reflection. L.: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1997.

³ Проблемы глобализации // Pro et Contra. Т.4. №4. 1999. С.49, 114, 119.

- процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества;
- всеобщий обмен в масштабах человечества;
- «интенсификацию всемирных социальных отношений, которые связывают удаленные друг от друга местности таким образом, что происходящее на местах формируется событиями, происходящими за много миль отсюда, и наоборот»⁴;
- «процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»⁵; и др.

Различают глобализацию экономических, политических, социальных, культурологических, демографических, информационных и иных процессов. Наиболее кратко *глобализацию* можно представить как всеобщий (глобальный) взаимообмен (*general global interchange*). Заметим при этом, что хотя взаимообмен и взаимопроникновение экономики, культуры, этносов происходил всегда, однако всеобщий, глобальный и относительно «молниеносный» характер этих процессов стал возможным лишь с появлением современных средств связи, транспорта (авиации), коммуникаций. Так что «глобализация» в современном понимании могла начаться не ранее второй половины XX столетия.

Что касается *девиантности* (*deviance*), то, с нашей точки зрения, под ней понимается социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным (право) или же фактически сложившимся (обычай, традиции, мораль) в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям⁶.

⁴ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P.64.

⁵ Бек У. Указ. соч., 2001. С.26.

⁶ Гилинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд. 2-е. СПб.: Юридический центр Пресс. 2007. С. 28.

Исходным для понимания отклонений является понятие *нормы*. В теории организации сложилось наиболее общее — для естественных и общественных наук — понимание нормы как *пределов, меры допустимого*. Это такие характеристики, «границы» параметров системы, при которых она (1) сохраняется (не разрушается) и (2) может развиваться. Для физических и биологических систем — это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность и развитие системы. Это — *естественная, адаптивная норма*, отражающая закономерности существования системы.

Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются (*конструируются!*) как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, политизированного, мифологизированного, религиозного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается *анормальной* сама «норма», «нормальны» же (адаптивны) отклонения от нее.

Принципиальным для понимания социальных отклонений, девиантности и предмета девиантологии как науки является осознание *относительности, релятивности* социальной «нормы» и социальных «отклонений». В природе, в реальной социальной действительности не существует явлений, видов деятельности, форм поведения, «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию, *per se, sui generis*. Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и

сейчас»). «Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение "нормальное" при одном наборе культурных установок, будет расценено как "отклоняющееся" при другом»⁷. Относительность (релятивность) девиантности и *девиантность* как *социальный конструкт* подробно обосновываются в книге J. Curra⁸.

Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «девиантен» сам по себе, по своему содержанию, независимо от социального контекста. Так, «преступное» употребление наркотиков, в частности производных каннабиса, было допустимо, «нормально», легально во многих азиатских странах, да и в современных Нидерландах; широко распространенное «законное» потребление алкоголя — незаконно, преступно в странах мусульманского мира; легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Голландии; умышленное причинение смерти (убийство) — тяжчайшее преступление, но и ... — подвиг в отношении противника на войне.

Важно помнить: *когда девиантология (социология девиантности) изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм — не более.* В другом обществе, в другое время рассматриваемая «девиантность» может не быть таковой.

Более того, социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двойное значение. Одни из них — *позитивные* — выполняют негэнтропийную функцию, служат средством (механизмом) *развития* системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это социальное *творчество* во всех его ипостасях (техническое, научное, художественное и др.). Другие же — *негативные* — дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и др.

⁷ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 150.

⁸ Curra J. The Relativity of Deviance. SAGE Publications. Inc. 2000.

Однако, во-первых, границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. Во-вторых, в одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры (от научного сообщества и художественной богемы до преступных сообществ и субкультуры наркоманов). И то, что «нормально» для одной из них, — «девиантно» для другой или для общества в целом. В-третьих, «а судьи — кто»? Кто и по каким критериям вправе оценивать «позитивность-негативность» социальных девиаций? Равно как и «нормальность-анормальность».

И, наконец, самое главное: организация и дезорганизация, «норма» и «аномалия» (отклонение), энтропия (мера хаотичности, неупорядоченности) и негэнтропия (мера организованности, упорядочения) *дополнительны* (в понимании Н. Бора). Их сосуществование неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы. «Порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира»⁹.

Именно *отклонения как всеобщая форма изменений* обеспечивает «подвижное равновесие» (А. ле Шателье) или «устойчивое неравновесие» (Э. Бауэр) системы, ее сохранение, устойчивость через изменения. Другое дело, что само изменение может быть *эволюционно* (развитие, повышение степени организованности, адаптивности) и *инволюционно*. Но поскольку все сущее конечно (смертно), постольку и инволюционные, энтропийные процессы закономерны и неизбежны.

Наконец, еще один сюжет из жизни девиаций. Мир устроен таким образом, что более или менее длительное существование тех или иных систем и процессов возможно лишь в случае их адаптивности и *функциональности* — выполнения определенных «ролей» в жизни других, более общих систем и процессов.

⁹ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

В процессе эволюционного *отбора* неадаптивные, *нефункциональные* системы, процессы, формы человеческой жизнедеятельности *элиминируются* (ликвидируются, отмирают). Сохраняющиеся же, очевидно, адаптивны, выполняют те или иные явные и/или латентные (Р. Мертон) функции. «Наличие, постоянное сохранение в обществе преступности невозможно без признания того, что и преступность выполняет определенную социальную функцию, служит формой либо регулятивной, либо адаптационной (приспособительной) реакции на общественные процессы, явления, институты»¹⁰. Так вот, «вечность» преступности, потребления веществ, влияющих на центральную нервную систему (наркотиков, алкоголя и др.), проституции, коррупции, не говоря уже о позитивных девиациях — творчестве, свидетельствует о том, что *все существующие проявления девиантности функциональны*, несут ту или иную социальную нагрузку, играют определенные социальные роли. Или, как выражался Г. В. Ф. Гегель, «имеют основания», а потому — «все действительное — разумно».

Поскольку существование и развитие социальных систем неразрывно связано с человеческой деятельностью, осуществляется через нее, постольку социальные девиации (девиантность социальных систем, обществ) реализуются, в конечном счете, через человеческую деятельность — девиантное поведение. В этом смысле *девиантность есть прорыв тотальной жизнедеятельности через (сквозь) социальную форму*.

Проблемы глобализации

В рамках нашей темы представляется важным констатация и обсуждение нескольких проблем¹¹.

Во-первых, глобализация — *объективный процесс*, развивающийся независимо от наших желаний (и даже вопреки им). Деятельность

¹⁰ Яковлев А. М. Социология преступности. С.14.

¹¹ Подробнее см.: Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

транснациональных компаний (ТНК); взаимозависимость стран (от энергоресурсов, сырья, технологий и т.п.); мировая информационная система (Интернет, спутниковая связь и др.); взаимосвязь крупнейших финансовых систем; интернационализация и интенсификация современных транспортных средств и сетей; интенсивная миграция, обуславливающая взаимопроникновение этносов и культур; использование английского языка как средства международного общения; формирование «общечеловеческих ценностей»; планетарный характер экологических проблем – все это свидетельствует о вполне реальной глобализации экономического, социального, финансового, культурного, экологического пространств. Это необходимо отметить, поскольку в российских политических кругах (и в массовом сознании) нередко возникает идея «противостоять» глобализации, ратовать за «многополярный» мир. Но закономерные, объективные мировые социальные процессы не зависят от воли политиков или «народа». Как пишет З. Бауман, «"Глобализация" касается не того, что все мы... хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит».¹²

Непонимание этого лишь увеличивает разрыв между государствами – лидерами цивилизационного развития и странами – аутсайдерами, к которым относится и Россия¹³. Достаточно напомнить, что к 2005 г. Россия занимала 147 место в мире по ожидаемой продолжительности жизни (и то только «благодаря» женщинам – продолжительность жизни 72 года, тогда как мужчины в среднем не доживают до «заслуженного отдыха», ибо их продолжительность жизни – 59 лет - одна из самых низких в мире, наряду с некоторыми африканскими странами), 231 место (предпоследнее!) по коэффициенту естественного прироста, одно из первых мест в мире по смертности (16,3 на тысячу жителей, 16-17 – только в Восточной и Центральной Африке, среднемировой показатель – 9, европейский - 11)¹⁴.

¹² Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 88.

¹³ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 354-471; Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999. Сб. 1-4; Проблемы глобализации. Указ. соч., 1999. С. 227-232, 254-265; и др.

¹⁴ Все страны мира (2005) // Население и общество, №93, сентябрь 2005.

Валовой национальный продукт на одного жителя России составил в 2003 г. всего \$8920 при среднемировом показателе \$8180, в Люксембурге - \$54430, в США – \$37500, в Норвегии \$37300, в Японии – \$28620¹⁵.

Во-вторых, глобализация, как все на свете, имеет свои *позитивные* и *негативные* последствия. При этом «позитивность» и «негативность» *неравномерно* распределяются по странам и регионам. Параллельно с процессом глобализации (и интеграции - например, Европейский Союз) идет процесс дифференциации и поляризации. Этот факт зафиксирован неологизмом Роланда Робертсона - «глокализация». «Глобальность характеризует лишь один из аспектов эволюции человечества – взаимосвязанность, взаимосоотнесенность. Наряду с этим действуют и другие механизмы – членения-дифференциации или – несколько в другом ракурсе – *диверсификации*»¹⁶. Выделяются развитые страны «золотого миллиарда» в отличие от остальных государств, включая Россию. По Уоллерстайну, мир разделился на Центр, Полупериферию и Периферию. Россия была отнесена им к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии»¹⁷.

В-третьих, происходит глобализация (интернационализация) различных форм *девиантности*: проституции (*prostitutes traffic*), наркотизма (*drugs traffic*), организованной преступности, терроризма, торговли людьми (*human trafficking*). Это вполне закономерный процесс, поскольку девиантность (ее структура, масштабы, динамика) зависит от экономических, политических, социальных, демографических и иных факторов. Глобализация девиантных проявлений и является следствием глобализации экономических, социальных, демографических (в частности, оживленная миграция населения), культуральных процессов.

¹⁵ Доклад о мировом развитии 2005: как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005. С.258-266.

¹⁶ Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Проблемы глобализации. Указ. соч., 1999.С.121.

¹⁷ Пантин В. Рецензия на: Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия // Проблемы глобализации. Указ. соч., 1999. С.227.

Так, глобализация сопровождается процессом «включения / исключения» («*inclusion/exclusion*»), когда некоторые люди и социальные группы оказываются *исключенными* (*excluded*) из общественной жизни – экономической, политической, культурной¹⁸. «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже текущего – Я.Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение останутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения»¹⁹. Процесс «*inclusion/exclusion*» имеет принципиальное значение для нашей темы, поскольку «исключенные» (страны, группы, люди) служат основной социальной базой девиантности, включая преступность, терроризм, алкоголизацию, наркотизацию, суицид, что осознается мировой наукой²⁰.

Деление (раскол!) стран, социальных групп и людей на включенных/исключенных в том или ином виде, под тем или иным названием признается многими современными учеными. Так, З. Бауман, избегая термины «включенные»/«исключенные» предпочитает говорить о «туристах» (включенные)/«бродягах» (исключенные), подчеркивая, что эти группы - «два мира, два представления о мире, две стратегии»²¹. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Это – длительное время

¹⁸ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Ж. социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. С.140-156.

¹⁹ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С.107.

²⁰ Finer C., Nellis M. (Eds.) *Crime and Social Exclusion*. Blackwell Publishers Ltd., 1998; Young J. *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. SAGE Publications, 1999; Young J. *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications, 2007. Подробнее см.: Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6. С. 69-76.

²¹ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. С. 142.

безработные, мигранты, беженцы и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»²². И в условиях глобализации, беспримерной поляризацией на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда». Иногда «исключенных» он именуется «отбракованными» (*burned-out*).

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали "отходами" трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала "транзитным пунктом" на пути в никуда»²³.

По мнению Ф. Бородкина, свыше 50% населения России являются исключенными²⁴.

Но глобализация таит угрозы и для стран «золотого миллиарда», а таким образом и для всего человечества. Эти угрозы, как это часто бывает, парадоксально исходят из основ экономического могущества и процветания современной Западной цивилизации. «Глобализация делает возможным то, что, по-видимому, всегда скрытно присутствовало в капитализме, но на стадии его укрощения демократическим государством оставалось замаскированным: предприятия, особенно работающие в глобальном масштабе, играют ключевую роль не только в организации экономики, но и общества в целом – хотя бы уже "только" потому, что они в состоянии отнимать у общества его материальные ресурсы (капитал, налоги, рабочие места)... Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и *de facto* расторгают договор о лояльности с институтами национального государства. По этой причине падает *внутренний* уровень социальной интеграции соответствующих стран, и падает тем ниже, чем больше он обосновывался чисто экономическими факторами. В это коварный водоворот попадают прежде всего

²² Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5-7.

²³ Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. №1/2. С. 205.

²⁴ Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3-4. С.

благоденствующие социальные государства: им приходится выплачивать кодифицированные пособия постоянно растущему числу безработных»²⁵. И как возможный итог – бразилизация Европы²⁶.

Не случайно, поэтому «термин "глобализация" вызывает весьма эмоциональное к себе отношение. Одни считают, что это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других глобализация означает экономическую и политическую гегемонию Америки, в результате чего культура во всем мире станет однородной и превратится в нечто вроде метастазов Диснейленда».²⁷ Отсюда – движение антиглобалистов, протесты против всемирной «макдонализации», стихийный выплеск «исключенных» парижских пригородов и, в конечном счете – исламский фундаментализм (хотя, конечно, все не так просто и заслуживает более углубленного анализа).

В-четвертых, ответной реакцией мирового сообщества на глобализацию девиантных проявлений является глобализация *социального контроля* над девиантностью: создание и деятельность Интерпола и Европола; разработка и принятие многочисленных международно-правовых актов, направленных на противодействие организованной преступности, наркобизнесу, «отмыванию денег», терроризму; международно-правовая регламентация условий содержания осужденных в пенитенциарных учреждениях (в том числе, так называемые «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными»); распространение идеи и практики «*community policing*» - партнерских отношений между полицией и «коммюнити» (общины, населения по месту жительства); практика «восстановительной» юстиции (*restorative justice*) и ювенальной юстиции, общемировая тенденция отказа от смертной казни и др. Одновременно исследователи отмечают усиление репрессивности полиции и уголовной юстиции, направленной прежде всего против

²⁵ Бек У. Что такое глобализация? Указ. соч. С. 10, 19.

²⁶ Там же. С. 276-278.

²⁷ Многоликая глобализация. Указ. соч. С. 9.

«исключенных» («селективность» деятельности полиции и уголовной юстиции)²⁸.

Кроме того, называют следующие проблемы глобализации²⁹.

- Глобализация ведет к стандартизации культуры или же к усилению культурного многообразия?
- Глобализация означает возможность появления новой мировой политической системы («единая глобальная система») или же создает межэтническую, межконфессиональную напряженность, межнациональную напряженность и конфликты?
- Глобализация является результатом лишь экономико-финансово-производственной интеграции или же следствием создания и развития новых средств коммуникации?
- Глобализация ведет к мировому порядку, основанному на универсальных («общечеловеческих») ценностях или же к экологическим катастрофам, культурной стандартизации, этническим и религиозным войнам?

Мне, стороннику принципов относительности и дополнительности (не только в физике), либерализма и таких общечеловеческих ценностей, как Жизнь и Свобода, - видятся существенные достоинства глобализации, которыми человечество могло бы умело воспользоваться (экономическое развитие, взаимообогащение культур, принципиальная доступность всевозможной информации и любых уголков земного шара и др.). Однако глобализация – в силу тех же вышеназванных принципов – не исключает, а скорее предполагает обострение межнациональных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов, как объективно обусловленных, так и являющихся «субъективным» следствием национальных и религиозных амбиций, ограниченности, национализма. К сожалению, Россия относится к

²⁸ Евроремонт ГУЛАГ'а // Индекс: Досье на цензуру. № 18, 2003; Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГ'у западного образца. М.: Идея-пресс, 1999; Уолмсли Р. Содержание под стражей: Глобальные тенденции // Форум по проблемам преступности и общества. Т.3, №№1-2, 2003. С.73-90; Robinson M. Justice Blind? Ideals and Realities of American Criminal Justice. Prentice Hall. Upper Saddle River, NJ., 2002.

²⁹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Указ. соч. С.82-83.

числу стран, где имеются и объективные («*exclusive society*») и субъективные (игра власти, неспособной решить социальные проблемы, на самых низменных, ксенофобских настроениях населения) факторы массового «антиглобализма».

Наконец, применительно к собственно нашей тематике, сошлемся на проблемы, высказанные отечественным криминологом В.В. Лунеевым. Признавая, что «глобализация неизбежна», автор справедливо предлагает: «в нее надо профессионально вписываться, чтобы не оказаться совсем за бортом мирового развития»³⁰. При этом он отмечает три значимых для криминологии (да и девиантологии) проблемы:

- Проблема занятости и уровня жизни (20:80). В XXI веке для использования достижений научно-технического прогресса достаточно будет 20% населения. 80% - окажутся «лишними» («исключенными»), без работы и средств существования. Они будут довольствоваться титсентитейнментом (от англ. tits – сиськи и entertainment – развлечение) – современным аналогом «хлеба и зрелищ».
- Проблема рынков финансовых спекуляций. Свыше 80% финансового капитала не имеют реального материального наполнения. Это «рынок игроков в рулетку». Финансовый крах будет все чаще сотрясать «исключенные» страны, не входящие в «золотой миллиард» (примеры тому – российский дефолт 1998 г., финансовые проблемы стран Восточной Азии и др.).
- Проблема существенного снижения возможностей национальных правительств в управлении обществом, включая контроль над преступностью (и иными проявлениями девиантности, добавим мы). Как известно, эта тенденция отмечается криминологами со второй половины минувшего столетия («кризис наказания» и иные аналогичные подходы). О скептицизме в отношении способности

³⁰ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. М.: Wolters Kluwer, 2005. С.121.

современных государств поддерживать общественный порядок говорит и один из крупнейших социологов И.Уоллерстайн³¹. Напомним, что другой столп современной социологии Н.Луман также считает: «Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля».

Кроме того, отмечается все та же проблема противоречивых требований процессов глобализации – локализации.

Глобализация девиантности в мире и в России

При анализе взаимоотношений глобализации и девиантности мы рассмотрим лишь несколько наиболее наглядных проявлений последней. В действительности взаимовлияние исследуемых процессов намного сложнее.

Преступность

Преступность – сложный социальный феномен (относительно распространенное, статистически устойчивое социальное явление, одна из форм девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе), развивающийся по своим законам³². Зависимость преступности от экономических, социальных, политических, демографических, культурологических процессов и их глобализации неизбежно сказываются на глобализации преступности. Это проявляется, прежде всего, в наличии некоторых *общемировых закономерностей*. Основными из них до середины-конца 90-х годов минувшего столетия были следующие³³:

³¹ Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. V. 15. 2000. N3. p. 263.

³² Подробнее см.: Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002.

³³ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. М., 1997.

- абсолютный и относительный рост зарегистрированной преступности в мире (общемировой уровень преступности в расчете на 100000 человек населения вырос с 1600 в 1975 г. до 7000 к 1995 г.);
- существенно более высокий уровень зарегистрированной преступности в развитых странах, чем в развивающихся (в 1975 г. соответственно 4200 и 800, в 1995 г. – свыше 8000 и свыше 1500);
- «гуманизация» преступности – рост удельного веса имущественных преступлений при сокращении удельного веса насильственной преступности (в развивающихся странах и в странах бывшего СССР эта тенденция может быть менее выражена; в России удельный вес преступлений против личности составил в 1988 г. 6,0% общей преступности, в 2005 г. – 4,5%, а преступлений против собственности соответственно 51,5% и 66,6%³⁴);
- отставание социального контроля над преступностью от ее развития.

Конечно, общие тенденции проявляются неодинаково в разных странах и регионах, возможны те или иные «отклонения». Кроме того, речь идет о тенденциях *зарегистрированной* преступности, что не соответствует реальной ситуации (латентная, т.е. неучтенная, незарегистрированная преступность всегда значительно превосходит зарегистрированную ее часть³⁵).

Однако с конца 90-х гг. минувшего столетия наметилась тенденция замедления темпов роста, а то и относительного сокращения уровня преступности в целом и отдельных ее видов во многих регионах³⁶.

³⁴ Здесь и далее основным источником статистических сведений о преступности в России служат ежегодники «Преступность и правонарушения: Статистический сборник». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

³⁵ Подробнее см.: Гаврилов Б. Способна ли российская статистика о преступности быть реальной? // Государство и право, 2001, №1, с. 47-62; Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Determining Trends in Global Crime and Justice: An Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society. Vol. 3, N1-2, 2003. NY, 2004, pp. 35-63.

³⁶ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. М.: Wolters Kluwer, 2005. С. 35-50; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003, Issue 12/03; Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Determining Trends in Global Crime and Justice ... // Forum on Crime and Society. Vol. 3, N1-2, 2003. NY, 2004, pp. 35-63.

Так, в странах Европы в 2000-2001 гг. снижался уровень общей преступности в Австрии (-7%), Болгарии (-3%), Дании (-6%), Италии (-2%), Литве (-4%), Румынии (-4%), Финляндии (-6%), Чехии (-8%), Швеции (-2%). «Реперными» точками могут служить 1980, 1993, 2000 годы. Так, например, в эти годы уровень преступности составлял: в Дании – 8282, 12084, 9451; в Германии – 4873, 8337, 7621; в Канаде – 8804, 11447, 8041. Эта тенденция характерна для большинства развитых стран Европы и Северной Америки.

Вместе с тем, в ряде европейских государств уровень общей преступности продолжал расти (Испания, Норвегия, Португалия и др.). В некоторых странах при общем росте преступности резко сократились темпы роста (Польша, Япония).

В целом уровень общей преступности (на 100 тыс. населения) во всем мире повысился с 2500 в 1980 г. до 3100 в 2000 г.; в Северной Америке снизился с 8900 в 1991 г. до 6000 в 2000 г.; в странах Европейского Союза этот показатель возрастал с 5000 в 1980 г. до 6200 в 1994 г. с последующей стабилизацией, сокращением до 6000 в 1998 г. и вновь небольшим повышением до 6200 к 2000 г.; в странах Латинской Америки и Карибского бассейна уровень преступности волнообразно колебался: 2200 в 1980 г., 2000 в 1984 г., немногим более 3000 в 1989, 1993-1994 гг., снижение до 2800 в 1997 г., возрастание до 3500 в 1998-1999 гг. с небольшим снижением в 2000г.

Однако уровень общей преступности существенно зависит от активности полиции и степени латентности. Значительно представительней данные о таких тягчайших преступлениях, как убийство.

В целом уровень убийств в мире и в большинстве регионов относительно стабилен. Так, общемировой показатель в течение 1980-2000 гг. держится примерно между 6-8 убийствами в год на 100 тыс. населения с небольшим возрастанием в 1989 г. и 1992-1994 гг. Самые высокие средние показатели убийств – 23-26 – в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Высокий уровень убийств в странах Африки к югу от Сахары – 17-21 с тенденцией к снижению (максимум - 21 в 1989 г., к 2000 г. – 17). Самые низкие

показатели – в Арабских государствах (2-3) и в странах Европейского Союза (2-2,5). И лишь «из всех рассматриваемых регионов Восточная Европа и Содружество Независимых Государств имеют показатели, демонстрирующие самые явные тенденции к увеличению на протяжении всего отчетного периода»³⁷.

Более наглядная картина представлена в табл. 1.

Другим традиционным для международного сравнения преступлением служит грабеж, точнее *robbery*, который в большинстве стран объединяет то, что в России разведено в виде грабежа и разбойного нападения. Если общемировые показатели грабежей характеризуются плавным возрастанием от 40 (на 100 тыс. населения) в 1980 г. до 65 в 2000 г., то региональные различия весьма существенны. Уровень грабежей стран Европейского Союза очень близок к среднемировым показателем (возрастание за те же годы от 30 до 70). В Северной Америке основные точки (минимакс): 175 в 1980 г., 149 в 1985 г., 190 в 1991 г., 125 в 1999 г. и 135 в 2000 г. Авторы обзора делают общий вывод относительно стран Восточной Европы, Латинской Америки и Южной Африки: «почти во всех случаях переход к демократии сопровождался ростом как числа убийств, так и имущественных преступлений с применением насилия, таких как ограбление»³⁸.

³⁷ Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Ibid., p. 48.

³⁸ Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Ibid, p. 51.

Таблица 1.

Уровень на (100 тыс. населения) смертности от убийств в некоторых государствах (1984 – 2001)

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1999-2001
Австралия				1,9	2,4	1,8	2,2	2,5	1,6	1,8	1,8		1,9
Австрия				1,3	1,2	1,1	1,6		1,5	1,3		1,0	1,2
Аргентина	4,5	4,9		5,4			5,0	4,3	4,6	4,4			
Венгрия				2,5	2,7	2,9	3,1		4,0	4,5	3,5	3,5	2,3
Германия				1,1	1,1	1,0		1,1	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2
Дания			1,2	1,0	1,1	1,2	1,0		1,3	1,2	1,3	1,2	1,0
Израиль			1,8	1,3	1,3		1,7	1,2	1,4	2,3	2,7	1,4	
Испания	0,9	1,0	1,0	1,2			0,9	0,9	1,2	0,9	0,9		1,1
Италия	1,6	1,5	1,3	1,6	1,9		2,6	2,8	2,2	1,7			1,5
Канада			2,0	2,2		2,1		2,3	2,1	1,8	1,7	1,6	1,8
Колумбия	33,3							89,5	88,5	88,5	78,7		
Мексика		18,6	19,4					17,5	18,8	17,8	17,7	17,1	
Нидерланды			1,0	0,9	0,9	0,9		1,2	1,3	1,2	1,1	1,2	1,5
Норвегия			1,5	1,4	1,1	1,3		1,5	1,1	0,9	0,8		0,9
Польша			1,7		1,7	2,1	2,9		2,9	2,7	2,9	2,8	2,0
Россия					9,7	12,6	14,3	15,2	22,9	30,6	32,6	30,8	22,0
США	8,2	8,9	8,5	8,9		9,9	10,4	9,8	9,9	9,1	9,1		5,6
Финляндия				3,1	2,8	3,2			3,4	3,3	3,2	2,9	2,8
Франция			1,2	1,1	1,0	1,1		1,1	1,0	1,1	1,1		1,7
Швейцария				1,2	1,2	1,3	1,5		1,5	1,5	1,3		1,1
Швеция			1,4	1,2	1,4		1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	0,9	1,1
Япония				0,7	0,7	0,6	0,6		0,6	0,6	0,6		1,0

Источник: Ежегодник World Health Statistics. Geneve; Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office, 2003

Значительный интерес представляет мировой сравнительный анализ *виктимизации* населения.

Для начала заметим, что по результатам наших исследований 1999-2002 гг. в Санкт-Петербурге доля жертв преступлений среди населения составляла свыше 26%, в Волгограде в 2000 г. – 18%, в Боровичах в 2000 г. – 20,5%³⁹. Сравнительные международные исследования по 17 странам (2000 г.) показали, что удельный вес жертв среди населения свыше 24% был в Австралии, Англии с Уэльсом, Нидерландах и Швеции, 20-24% - в Канаде, Шотландии, Дании, Польше, Бельгии, Франции и США, ниже 20% - в Финляндии, Каталонии (Испания), Швейцарии, Португалии, Японии и Северной Ирландии⁴⁰. Это же исследование позволило выделить страны различной степени риска по отдельным видам преступлений. Так, например, наибольший риск стать жертвой грабежей был в Польше (1,8%), Англии с Уэльсом и в Австралии (по 1,2%), наименьший – в Японии и Северной Ирландии (0,1%); наибольший риск нападений – в Австралии, Шотландии, Англии с Уэльсом (свыше 6%), наименьший – в Японии, Португалии (меньше 1%). Наибольший риск стать жертвой сексуального насилия у женщин Швеции, Финляндии, Австралии и Англии с Уэльсом, наименьший – у женщин Японии, Северной Ирландии, Польши и Португалии.

Как выглядит динамика преступности в России?

Наш анализ преступности основывается, прежде всего, на данных официальной статистики МВД. При этом необходимо учитывать высокую и все возрастающую *латентность* преступности. *Естественная* латентность (преступления, которые не известны органам, их регистрирующим) возрастает, поскольку в населении падает доверие к милиции, и жертвы все реже и реже сообщают о случившемся с ними. Так, по результатам наших виктимологических опросов в Санкт-Петербурге (1999-2002), 69-73%

³⁹ Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб, 2002.

⁴⁰ Bondeson U. (Ed.) Crime and Justice in Scandinavia. Copenhagen: Forlaget Thomson A/S, 2005, p. 146.

потерпевших от преступлений не сообщают об этом в милицию. Из них 40-42% потому, что «милиция все равно бы ничего не стала делать». В Волгограде в 2000 г. доля не обратившихся составила 59%. Аналогичные сведения приводились в материалах Научно-исследовательского института МВД РФ (в Москве свыше 65% жертв тяжких преступлений не обращаются в милицию). С 1993-1994 гг. очень высока *искусственная* латентность, когда не регистрируется множество преступлений, известных милиции. Массовое противозаконное сокрытие преступлений от регистрации объясняется стремлением искусственно «снизить» показатели преступности и «повысить» раскрываемость преступлений, по которой руководство страны и МВД оценивает деятельность милиции.

О массовом незаконном сокрытии преступлений от регистрации имеется обширная литература⁴¹. Мы приведем лишь данные о раскрываемости преступлений в России за последние годы. Средний для европейских стран уровень раскрываемости – 40-46%. Уровень раскрываемости в СССР свыше 90-95% (1980 г. – 95,4%, 1982 г. – 95,9%, 1984 г. – 90,2%) был заведомо нереален, «липовый». Впервые правдоподобный показатель 46,9% достигнут в России в 1992 г., что свидетельствовало об относительно достоверной регистрации преступлений. «Рост» раскрываемости, начавшийся в 1993 г. (50,6%), до 75,6% в 2000 г. (в 2002 г. – 60,9%, в 2003 г. – 55,1%) мог быть достигнут только за счет *массового сокрытия от регистрации* «глухарей», «неочевидных», заведомо неперспективных для раскрытия преступлений.

Об этом же свидетельствуют данные о динамике зарегистрированных преступлений в 2000-2005 гг. по сравнению с 1999 г.: рост таких тяжких преступлений как убийства, причинение тяжкого вреда здоровью при «сокращении» краж, хулиганства и других преступлений, которые легче скрыть от регистрации (см. табл. 3). Также считает и В.В. Лунеев: «росли учтенные преступления, которые труднее скрыть, а сокращались те, которыми легче

⁴¹ Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право, 2001. №1; Гилинский Я.И. Криминология. Указ. соч. С. 39-49; Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. С. 127-131; и др.

манипулировать»⁴². Эта ситуация хорошо известна и руководству МВД РФ. Летом 2001 г. министр заявил о пересмотре критериев оценки работы милиции. Раскрываемость стала снижаться. Но сократилась ли латентность?

Попытка ее измерить была предпринята коллективом московских исследователей⁴³. Как и следовало ожидать, коэффициент латентности различен для разных преступлений. Так, в 2002 г. для убийств он составил 1,17; для убийств, совершенных в состоянии аффекта – 1,05; для краж – 4,21, а для принуждения к даче показаний – 70,73; для незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей - 107,06! Однако, с нашей точки зрения, эти коэффициенты минимальны и уровень реальной преступности намного выше. Так, по мнению В.В. Лунеева, уровень совершаемых в стране убийств в 4-5 раз выше регистрируемых показателей⁴⁴.

Общая динамика зарегистрированной преступности в России за 1961- 2006 гг. приводится в табл. 2. На основании этих данных можно сделать ряд выводов.

Во-первых, наблюдается снижение числа и уровня (на 100 тыс. населения) преступлений в периоды хрущевской «оттепели» (1963-1965) и горбачевской «перестройки» (1986-1988). То, что это не случайность, подтверждается позитивной динамикой в те же годы других социальных показателей (снижение уровня самоубийств, смертности, повышение рождаемости и др.).

Во-вторых, тенденция постепенного возрастания числа и уровня преступлений вполне соответствует мировым тенденциям после Второй мировой войны⁴⁵.

⁴² Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. №1. С. 15.

⁴³ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001-2002 гг. (статистический сборник). М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 2004.

⁴⁴ Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьба с ней в России. Указ. соч. С.17.

⁴⁵ Лунеев В.В. Преступность XX века, 1997. С. 14-30; Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. Oxford University Press, 1999; и др.

В-третьих, наблюдается резкий рост зарегистрированной преступности в 1989-1993 гг. (в 2,3 раза за 5 лет). Это вполне объяснимо для периода бурных социальных, экономических, политических перемен при сохранении глубокого всестороннего кризиса в стране.

В-четвертых, социальный контроль над преступностью, деятельность системы уголовной юстиции «не успевают» за ростом зарегистрированной преступности. При увеличении числа преступлений с 1970 по 2005 г. в 5,1 раза число выявленных лиц возросло в 1,8 раза, а число осужденных - в 1,6 раза. Если учесть высокую латентность преступности, то разрыв между темпами ее роста и активностью правоохранительных органов окажется значительно больше.

В-пятых, отмечается снижение показателей зарегистрированной преступности в 1994-1997 гг. Это может быть объяснено как реальной стабилизацией ситуации, достижением «порога насыщения» в предшествующие годы (1989-1993), так и политикой руководства страны и Министерства внутренних дел (МВД) по массовому сокрытию преступлений от регистрации.

В-шестых, «стабилизация», по-видимому, закончилась, и мы наблюдаем дальнейшее возрастание преступности в 1998-2006 гг. Уровень общей преступности вырос с 1759,5 в 1998 г. до 2692,3 в 2006 г., увеличение числа наиболее опасных преступлений (убийства с покушениями – с 29551 в 1998 г. до 33583 в 2001 г., причинение тяжкого вреда здоровью с 45170 до 55739, разбойных нападений с 39437 в 2000 г. до 63671 в 2005 г.) при относительном «сокращении» высоко латентных (вымогательство, хулиганство и т.п.). Уровень преступности в 2002-2006 гг. продолжает оставаться высоким, хотя намного ниже развитых стран, что также вполне соответствует мировым тенденциям. Другое дело, что структура преступности в России неблагоприятна – чрезмерно высокий уровень тяжких насильственных преступлений.

Таблица 2.

**Зарегистрированная преступность, число выявленных лиц
и осужденных в России (1961 - 2006)**

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)*	Число выявленных лиц	Число осужденных
1961	534 866	446,5	-	-
1962	539 302	446,1	-	-
1963	485 656	397,7	-	-
1964	483 229	392,2	-	-
1965	483 550	388,7	-	-
1966	582 965	464,5	596 764	-
1967	572 884	452,5	628 463	-
1968	618 014	483,6	626 129	-
1969	641 385	497,6	659 607	-
1970	693 552	533,1	700 685	554 589
1971	702 358	536,6	652 763	574 350
1972	706 294	536,3	698 964	575 056
1973	695 647	524,6	682 399	538 156
1974	760 943	570,4	718 161	579 642
1975	809 819	603,4	753 005	581 035
1976	834 998	618,0	770 473	599 652
1977	824 243	606,5	746 354	525 984
1978	889 599	650,7	782 099	557 564
1979	970 514	705,8	818 746	590 538
1980	1 028 284	742,2	880 908	645 544
1981	1 087 908	779,7	919 001	682 506
1982	1 128 558	803,1	988 946	747 865

**Таблица 2.
(окончание)**

**Зарегистрированная преступность, число выявленных лиц
и осужденных в России (1961 - 2006)**

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)*	Число выявленных лиц	Число осужденных
1983	1 398 239	988,1	1 077 802	809 147
1984	1 402 694	984,4	1 123 351	863 194
1985	1 416 935	987,5	1 154 496	837 310
1986	1 338 424	929,9	1 128 439	797 286
1987	1 185 914	816,9	969 388	580 074
1988	1 220 861	833,9	834 673	427 039
1989	1 619 181	1098,5	847 577	436 988
1990	1 839 451	1242,5	897 299	537 643
1991	2 173 074	1463,2	956 258	593 823
1992	2 760 652	1856,5	1 148 962	661 392
1993	2 799 614	1887,8	1 262 737	792 410
1994	2 632 708	1778,9	1 441 568	924 754
1995	2 755 669	1862,7	1 595 501	1 035 807
1996	2 625 081	1778,4	1 618 394	1 111 097
1997	2 397 311	1629,3	1 372 161	1 013 431
1998	2 581 940	1759,5	1 481 503	1 071 051
1999	3 001 748	2026,0	1 716 679	1223255
2000	2952367	2028,2	1741439	1183631
2001	2968255	2039,2	1644242	1244211
2002	2526305	1754,9	1257700	859318
2003	2756398	1926,32	1236733	773920
2004	2893810	2007,2	1222504	793918
2005	3554738	2477,6	1297123	878893
2006	3855373	2692,3	1360900**	937700**

* С 1961 по 1978 г. - авторские расчетные данные. Источники: Ежегодники "Преступность и правонарушения". М.: МВД РФ, МЮ РФ

** округленные данные

Таблица 3.

Динамика некоторых преступлений в России (1985 - 2006)

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Тяжкие телесные повреждения		Грабежи		Разбойные нападения		Кражи	
	абсолютное число	уровень*	абсолютное число	уровень	абсолютное число	уровень	абсолютное число	уровень	абсолютное число	уровень
1985	12 160	8,5	28 381	19,9	42 794	29,9	8 264	5,8	464 141	324,7
1986	9 437	6,6	21 185	14,7	31 441	21,8	6 018	4,2	380 582	264,4
1987	9 199	6,3	20 100	13,9	30 441	21,0	5 656	3,9	364 510	251,1
1988	10 572	7,2	26 639	18,2	43 822	29,9	8 118	5,5	478 913	327,2
1989	13 543	9,2	36 872	25,0	75 220	51,0	14 551	9,9	754 824	512,1
1990	15 566	10,5	40 962	27,7	83 306	56,3	16 514	11,2	913 076	616,8
1991	16 122	10,9	41 195	27,8	101 956	68,8	18 311	12,4	1 240 636	237,3
1992	23 006	15,5	53 873	36,2	164 895	110,9	30 407	20,4	1 650 852	1110,2
1993	29 213	19,6	66 902	45,1	184 410	124,3	40 180	27,0	1 579 600	1065,2
1994	32 286	21,8	67 706	45,7	148 546	100,4	37 904	25,6	1 314 788	888,4
1995	31 703	21,4	61 734	41,6	140 597	95,0	37 651	25,5	1 367 866	924,6
1996	29 406	19,9	53 417	36,2	121 356	82,2	34 584	23,4	1 207 478	818,0
1997	28 285	19,9	46 131	31,4	112 051	76,2	34 318	23,3	969 800	716,3
1998	29 551	20,1	45 170	30,8	122 366	83,4	38 513	26,2	1 143 364	779,2
1999	31 140	21,3	47 669	32,6	138 973	95,0	41 138	28,1	1 413 810	966,2
2000	31 829	21,9	49 784	34,2	132 243	91,0	39 437	27,1	1 310 079	900,0
2001	33 583	23,1	55 739	38,4	148 814	102,8	44 806	30,9	1 273 198	879,2
2002	32 285	22,5	58 469	40,7	167 267	116,2	47 052	32,7	926 815	643,8
2003	31 630	22,1	57 087	39,9	198 036	138,4	48 673	34,0	1 150 772	804,2
2004	31 553	21,9	57 352	39,8	251 433	174,4	55 448	38,5	1 276 880	885,7
2005	30 849	21,5	57 863	40,3	344 440	240,1	63 671	44,4	1 572 996	1 096,4
2006	27 462	19,2	51 429	35,9	357 302	249,5	59 763	41,7	1 676 983	1 171,1

* Уровень на 100 тыс. населения.

Поскольку данные обо всей зарегистрированной преступности всегда страдают существенной неполнотой и зависят как от активности милиции, так и от законодательных новелл (криминализация новых составов, декриминализация старых), обратимся к сведениям о *наиболее опасных или же распространенных преступлениях* (табл. 3).

Во-первых, наблюдается интенсивный рост тяжких преступлений в 1989-1994 гг. Так, по сравнению с 1987 г., уровень убийств (с покушениями) к 1994 г. вырос в 3,5 раза, уровень причинения тяжкого вреда здоровью в 3,3 раза (при росте всей преступности за те же годы в 2,2 раза). Уровень грабежей за 1987-1993 гг. вырос в 5,9 раза (с 1987 по 2006 г. – в 11,9 раза), разбойных нападений – в 6,9 раза (с 1987 по 2006 г. – в 10,7 раза).

Во-вторых, сам уровень (на 100 тыс. населения) убийств (около 20 в 1993, 1996, 1997, 2006 гг. и свыше 20 в 1994-1995, 1998-2005 гг.) очень высок, особенно по сравнению с другими государствами (см. табл. 1). При этом данные милицейской статистики (табл. 3) далеко не полны. По данным медицинской статистики⁴⁶, уровень смертей от убийств составил: в 1992 г. – 22,9 (по милицейской статистике, уровень убийств – 15,5), в 1993 г. – 30,4 (по милицейской статистике – 19,6), в 1994 г. – 32,3 (вместо 21,8), в 2002 г. – 30,8 (вместо 22,5), в 2003 г. – 29,5 (вместо 22,1). К 1994 г. Россия выходит на одно из первых мест в мире по уровню смертей от убийств среди стран, представляющих сведения о причинах смертности в ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения – *World Health Organization*). При этом не учитывается количество убитых среди «пропавших без вести» и не обнаруженных, а эта цифра составляла с середины 90-х гг. свыше 25 тысяч ежегодно (в 2003 г. – 42643).

Согласно официальным данным, в России резко возростала наркотизация населения и, соответственно, число *преступлений, связанных с наркотиками* (табл. 4).

⁴⁶ World Health Statistics. Geneva: World Health Organization, 1997; Российский статистический ежегодник. М.: Госкомиздат, 1995.

Преступления, связанные с наркотиками в России (1987-2006)

Год	Всего	Уровень на 100 тыс. насел.	<i>В том числе</i>			
			Кражи, вымога- тельство	Изготовление, приобретение, хранение, транспортировка или продажа	Притон для потребле- ния наркотиков	Нелегальный посев мака или конопли
1987	18534	12,7	832	15506	444	136
1988	12553	8,6	470	9527	252	74
1989	13446	9,1	436	10594	171	3
1990	16255	10,9	413	13646	206	72
1991	19321	13,0	433	17036	181	76
1992	29805	20,0	315	27115	324	91
1993	53152	35,8	475	49249	499	343
1994	74798	50,5	529	70420	721	593
1995	79819	54,0	691	72457	750	666
1996	96645	65,5	546	89803	909	727
1997	185832	126,3	399	175868	933	2432
1998	190127	129,3	460	181481	1030	2719
1999	216364	147,2	468	206874	1033	3630
2000	243572	167,3	336	233490	989	4409
2001	241598	166,0	554	231601	813	4017
2002	189576	125,0	303	179938	424	4095
2003	181688	127,0	202	174537	356	2393
2004	150096	104,1	*	139345	730	3042
2005	175341	122,1	*	159497	3143	3405
2006	212019	149,3	234	192911	4509	3393

* нет сведений

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения: Статистический сборник». М.: МВД РФ; Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее. М., 2006

Рост наркотизма действительно имеет место. Официальные сведения, конечно же, неполны. Так, например, если сравнить статистику потребителей наркотиков и наркозависимых в Санкт-Петербурге с результатами наших исследований, то реальное количество потребителей и наркоманов в сто раз выше, чем по официальной статистике⁴⁷. Аналогичные результаты получены московскими исследователями⁴⁸. Регистрируются также далеко не все преступления, связанные с наркотиками. При этом наблюдается одна особенность: милиция выявляет и регистрирует большое количество преступлений, связанных с наркотиками, совершаемых наркоманами, больными людьми, «поймать» которых не представляет больших трудностей. Вместе с тем *ни один* крупный «наркоделец» («наркобарон») не был выявлен милицией.

С 2002 г. сокращается количество и уровень зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками, но отражает ли это реальную динамику преступлений или активность милиции («отягощенную» деятельностью Госнаркоконтроля)?

Резко усилившиеся миграционные потоки наряду с позитивными результатами (интернационализация науки, искусства, культуры) несут с собой и негативные последствия. *Мигранты*, независимо от этнической принадлежности их и «коренного» населения, на первых порах всегда хуже адаптированы к условиям жизни принимающей страны: языковые барьеры, профессионально-квалификационные трудности, проблема жилья, культуральные различия и прочие проявления «социальной неустроенности», которая служит одним из существенных источников девиантного поведения. Многие страны-реципиенты испытывают все большие проблемы в связи с преступностью иностранцев, мигрантов. Так, например, в Германии еще в 1992 г. свыше 32% всех преступлений было совершено иностранцами; в 2004

⁴⁷Gilinskiy Y., Zazulin G. Drugs in Russia: Situation, Policy and the Police // Police Practice and Research. An International Journal. 2001 Vol. 2 (4). P.345-364; Gilinskiy Y., Zobnev V. The Drug Treatment System in Russia: Past and Present, Problems and Prospects. In: Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1997. P.118-119.

⁴⁸ Позднякова М.Е Социологический анализ наркомании. М.: ИС РАН, 1992.

г. эта доля снизилась до 23% (из них 21% - турки, 8% - жители Югославии, около 7% - поляки, 5% - итальянцы, свыше 3% - мигранты из России)⁴⁹. В России доля иностранцев среди всех выявленных в совершении преступлений лиц не превышает 3%. А вот среди жертв преступлений иностранцы составляют 15-18%.

Октябрьские 2005 г. волнения мигрантов в предместьях Парижа – грозный сигнал о необходимости нахождения путей решения проблемы адаптации мигрантов в странах-реципиентах.

«Преступления ненависти»

Значительно страшнее преступности иммигрантов преступления против них. В частности, «преступления ненависти» (*Hate Crimes*) как крайнее проявление ксенофобии, подогреваемой властью, не способной решать социальные проблемы.

<...>⁵⁰

Организованная преступность

Из всех видов преступности наиболее «глобализирована» (интернационализована) организованная преступность.

Тема преступности издавна полна мифов, которые все чаще используются политиками – в популистских целях, журналистами – в погоне за сенсацией, рождая «страх перед преступностью», «моральную панику»⁵¹. В еще большей степени мифологизирована *организованная преступность* – относительно позднее явление в жизни общества. Что касается бывшего СССР, то еще в 1986 г. шла дискуссия: а есть ли организованная

⁴⁹ Polizeiliche Kriminalstatistik BRD: Berichtsjahr 2004. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2005. SS. 109, 116.

⁵⁰ Текст о преступлениях ненависти см. ранее представленную статью.

⁵¹ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans: Paladin, 1973

преступность в СССР? Поэтому кратко остановимся на некоторых исходных понятиях.

Организованная преступность – сложный социальный феномен. Возникнув, она так переплелась с другими социальными институтами и процессами, так прочно вросла в общественную ткань, что с трудом может быть из нее «вырвана» для изучения. Вызывает сомнения корректность самого понятия «организованная преступность», ибо, во-первых, *преступность* вообще не имеет дескрипта («субстрата») в реальной действительности, а является релятивным, конвенциональным социальным *конструктом* (впрочем, как и вся преступность, да и другие виды девиантности). Во-вторых, «*организованность*» - неотъемлемое свойство всех биологических и социальных систем (объектов), а потому «неорганизованной преступности» вообще не существует. В-третьих, «в современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушением уголовного закона, понятие "организованная преступность" оказывается синонимом понятий "общество", "государство", "социальная действительность", "социальное явление"»⁵². Соглашаясь с этим, мы не отказываемся от привычного термина: существуют научные традиции, накоплен большой эмпирический материал. Другое дело, что тема нуждается в демифологизации и корректном, не политизированном изучении и освещении.

Существует множество определений организованной преступности. Некоторые из них лаконичны, но тавтологичны и малосодержательны («*organized crime is crime that is organized*»⁵³). Другие излишне громоздки, авторы пытаются перечислить все возможные признаки организованной преступности⁵⁴.

⁵² Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм. В: Преступность и криминология на рубеже веков. Материалы XII Международного Балтийского криминологического семинара. СПб Ф ИС РАН, 1999. С. 46

⁵³ «Организованная преступность есть преступность, которая организована».

⁵⁴ Абадинский Г. Организованная преступность. СПб ГУ, 2002.

В качестве рабочего можно принять определение, предложенное на Международной конференции в Суздале (1991): «*функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции*». Организованная преступность – не сумма преступных организаций и совершаемых ими преступлений. Это качественно новая характеристика такого состояния преступности, когда она встроена в социальную систему, оказывая существенное влияние на ее другие составляющие (элементы) и прежде всего – на экономику и политику.

Организованная преступность выступает как *предпринимательство*, бизнес, индустрия, производство и распределение товаров и/или услуг (организованная преступность как *незаконное предпринимательство*).

Главной *целью* организованной преступности, как любого бизнеса, является экономическая выгода, прибыль. Различия (весьма относительные) начинаются с *методов* деятельности. Преступные организации добиваются высокой прибыли любыми методами, включая криминальные. Но и вполне уважаемый бизнес не избегает полулегальных, а то и преступных действий для достижения выгоды... За глобализацией экономики тянется хвост ее криминализации.

Криминальный бизнес возникает, существует и развивается при наличии ряда условий:

- спрос на нелегальные товары (наркотики, оружие и т.п.) и услуги (сексуальные и др.);
- неудовлетворенный спрос на легальные товары и услуги (например, «дефицит», присущий так называемой социалистической экономике);
- рынок труда, безработица, незанятость подростков и молодежи;
- пороки налоговой, таможенной, вообще экономической политики государства, а также коррупция, препятствующие нормальному развитию легальной экономики.

Пока есть спрос, будут предложения. Как пишет Л. Тимофеев применительно к наркобизнесу, «запретить рынок – не значит уничтожить его. Запретить рынок – значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций»⁵⁵.

Формирование и развитие организованной преступности – *закономерный общемировой* процесс, частный случай повышения уровня организованности всех социальных подсистем: экономики, политики, управления, коммуникаций и др.

Организованная преступность институционализируется в различное время в разных странах. Основные признаки организованной преступности как социального *института*: *длительность* существования; *регулярность* (постоянство) функционирования; выполнение определенных социальных *функций* (удовлетворение спроса на нелегальные или дефицитные товары и услуги, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); наличие комплекса *норм* (правил поведения), «профессионального» *языка* (сленг), вполне определенных *ролей*. Институционализация (процесс, в ходе которого социальные практики становятся регулярными, долговременными и «обрастают» всеми признаками института) организованной преступности происходит постепенно. Этот процесс начался в России (СССР) с конца 50-х – начала 60-х гг. прошедшего столетия и завершился в конце 70-х – начале 80-х гг.

Организованная преступность является способом частного предпринимательства (бизнеса). Исходя из этого, процесс глобализации и, как встречный процесс – локализация (в крайней форме – антиглобализм) не может не затронуть этот социальный институт.

Международные связи криминальных структур известны давно. Нелегальный экспорт-импорт наркотиков, оружия, алкоголя, проституток, международный характер «отмывания» денег, нажитых преступным путем, –

⁵⁵ Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М.: РГГУ. 1998. С. 107.

стали общим местом и никого уже не удивляют⁵⁶. Приведем лишь некоторые направления интернационализации организованной преступности, снабдив их своеобразным «комментарием»: выдержками из интервью сотрудника Центра девиантологии Социологического института РАН Я. Костюковского с представителями петербургского криминалитета.

Нелегальный экспорт цветных металлов из России в страны Западной Европы (в основном через республики Балтийского региона).

«И. (интервьюер Я. Костюковский): Какие виды криминального бизнеса наиболее популярны?

Р. (респондент, член криминальной группировки): В течение 1994 г. половина всего металла из России экспортировалось нелегально. Это был хороший бизнес! Люди за два-три месяца зарабатывали так, что до сих пор хватает. Правда, это была работа по 25 часов в сутки... Но игра стоила свеч. Разница цен здесь и в Эстонии была безумная».

Появились сведения о нелегальном экспорте из России *радиоактивных материалов*⁵⁷.

Активно функционирует рынок «живого товара» – *незаконная миграция, экспорт проституток*.

«И.: А как дела с проституцией?

Р.: Проституция в Санкт-Петербурге обычная индустрия. Существует не со вчерашнего дня. Имеются сотни «контор».

И.: Что ты можешь сказать о «бизнес-поездках»?

Р.: Да, существуют. Более того, девочки не всегда проститутки. Это могут быть приглашения для работы в стриптизе или вообще в сфере слуг. Но они экспортируются, например, в Турцию и их насильно

⁵⁶ Основы борьбы с организованной преступностью / ред. В.С Овчинский., В.Е Эминов., Н.П. Яблоков. М.: ИНФРА-М, 1996. С.18-51; Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001; Bäckman J. The Inflation of Crime in Russia: The Social Danger of the Emerging Markets. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1998; Roth J. Die Roten Bosse. Russlands Tycoone übernehmen die Macht in Europe. München: Piper-Verlag. 1998.

⁵⁷ Основы борьбы с организованной преступностью, 1996. С. 44-45.

заставляют заниматься проституцией. Это их счастье, если удается бежать. Но обычно конец очень плохой...».

Российские проститутки экспортируются в страны Западной Европы, в США, Канаду, страны Латинской Америки, а также в Китай.

Контрабанда предметов старины и искусства. Количество таких предметов, изъятых при попытке вывоза, выросло с 3500 в 1992 г. до 10000 в 1999 г. При этом, по мнению таможенной службы, задерживается не более 5-10% реально вывозимых ценностей⁵⁸.

Одним из наиболее прибыльных видов криминального бизнеса (второе место после торговли наркотиками) является *продажа оружия* за рубеж. Однако сведения о торговле оружием очень скудные, поскольку связаны с преступной деятельностью высоких чинов военного ведомства – федерального и региональных. Купить можно все. Вопрос только – по какой цене⁵⁹.

«Р.: Мы занимаемся мелочью по сравнению с тем, что делается в армии, в оборонке – вот там да, там целая экономика. Сейчас говорят, вот, в армии все воруют. А, по-моему, там все намного сложнее. Просто выгоднее прикинуться простыми воришками, а на самом деле там же миллионы баксов крутятся».

Кража и перепродажа автомобилей (международный автобизнес).

«И.: А ты с иностранцами контактируешь?

Р.: Да, конечно. У нас есть бизнес по машинам. Обмен.

И.: То есть?

Р.: Естественно. Здесь в Питере угоняется машина и идет в Голландию, а из Голландии так же сюда... Вообще это целая система в Германии, Польше, Франции, Венгрии, Голландии и России. Так что в этом смысле с организованной преступностью все хорошо – международный контакт есть».

⁵⁸ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / ред. А. Гуров. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000. С.41.

⁵⁹ Криминогенная ситуация..., 2000. С. 34-36; Криминальная ситуация на рубеже веков в России / ред. А. Долгова. М.: Криминологическая ассоциация, 1999. С. 86-91

Активно действует международная система производства и торговли *фальсифицированными продуктами* и прежде всего – алкогольными изделиями. Так, в Россию поступает алкогольный фальсификат из Польши, Нидерландов и других стран.

До 95% *фальшивой* (поддельной) иностранной *валюты* поступает в Россию из зарубежных государств⁶⁰.

Но, конечно, самый широкий размах приобрел международный *наркобизнес*. Эксперты ООН оценивают ежегодный международный оборот наркотиков в 400 млрд. долларов, что составляет около 8% всей мировой торговли. В Россию идут потоки героина из Афганистана, Пакистана, Северной Кореи, производные каннабиса – из стран Средней Азии и с Украины, кокаин из Латинской Америки, «колеса» (медикаментозные средства) из стран Западной Европы, эфедрин и его производные («лед») – из Китая. В свою очередь Россия реэкспортирует героин и каннабис в Западную Европу⁶¹.

К сказанному следует добавить глобализацию криминализированной «легальной» экономики (типа *Trans World Group – TWG*, контролирующей алюминиевую и добывающую глинозем промышленность Сибири⁶²).

Доходы транснациональной организованной преступности «отмываются» путем инвестиций в легальную экономику, в оффшорных зонах, через контролируемые банки. По мнению экспертов Вашингтонского национального Стратегического информационного комитета, общие доходы международной организованной преступности приближаются к триллиону долларов, т.е. сопоставимы с годовым бюджетом США.

Есть и совершенно утилитарно-инструментальные составляющие процесса глобализации, которые не могут не повлиять на развитие организованной преступности (как, впрочем и остальных, вполне легальных

⁶⁰ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / ред. А. Гуров. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000. С. 28

⁶¹ Рогатых Л.Ф., Стрельченко Э.Г., Топоров С.Б. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. СПб.: Специальная литература, 2003; Романова Л.В. Наркотики: Преступления, ответственность. Владивосток, 2000. С. 43-79

⁶² Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001

сфер жизни). Например, либерализация таможенно-пограничных отношений между многими странами облегчают физическое перемещение грузов и людей. Универсализация национальных валют, создание единых банковских систем облегчают процесс расчетов между партнерами, создание транснациональных систем связи, Интернет способствуют расширению круга и скорости общения. «Быстрому развитию транснациональных преступных сообществ в значительной степени способствовали упрощение в осуществлении международных контактов, поездок; повышение "прозрачности" государственных границ; формирование мировых финансовых сетей, развитие мировых рынков сбыта законной и незаконной продукции; оффшорных зон; развитие криминального бизнеса различных сфер криминальной деятельности».⁶³

В Интернете, как свидетельство глобализации организованной преступности, часто освещается деятельность в США выходцев из СССР. Оставляя некоторые сомнения в справедливости употребления термина «глобализация» в данном контексте, заметим, что по мнению директора ФБР Л.Фри - «российская организованная преступность является главнейшей и долговременной угрозой национальной безопасности США»⁶⁴. Сотрудничество правоохранительных и правоприменительных органов разных стран влияет и на развитие сотрудничества преступников. Преступная деятельность на территории другой страны без прикрытия местных «коллег» становится невозможной.

Российская организованная преступность значительно беспокоит и наших европейских соседей, в частности. Австрию⁶⁵, Польшу⁶⁶ и другие страны.

Российская организованная преступность к началу 90-х оказалась широко интегрирована в международную организованную преступность.

⁶³ Организованная преступности, миграция, политика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С.31.

⁶⁴ Сухаренко А.Н. «Российская» организованная преступность в США. М., 2002. с.7.

⁶⁵ Edelbacher M. (Hrsg.) Organisierte Kriminalität in Europe. Wien: Linde Verlag, 1998.

⁶⁶ Laskowska K. Rosyjskojęzyczna przestępczość zorganizowana. Białystok: Temida 2, 2006

«Смотрящие» по европейским странам занимались координацией бизнеса с местными «коллегами», совершением преступлений приезжими соотечественниками, членами «русских» общин. Деятельность российской организованной преступности несколько раз обсуждалась в Конгрессе США (1994, 1996, 1999).

Следует различать «интернациональную» и «транснациональную» организованную преступность. Интернациональная организованная преступная организация - это сообщество, состоящее из граждан разных стран, разных этносов, объединенных общим преступным бизнесом или технологической цепочкой. Транснациональная же организация может быть не обязательно интернациональной, но в сфере ее интересов находятся разные страны мира. Другим толкованием транснациональной преступной организации является взаимовлияние и взаимопроникновение этнически разнородных ее участников. Объективно «под транснациональной организованной преступной деятельностью понимается осуществление преступными организациями незаконных операций, связанных с перемещением потоков информации, денег, физических объектов, людей, других материальных и нематериальных средств через государственные границы с целью использования благоприятной рыночной конъюнктуры в одном или нескольких иностранных государствах для получения существенной экономической выгоды, а также для эффективного уклонения от социального контроля с помощью коррупции, насилия и использования значительных различий в системах уголовного правосудия разных стран».⁶⁷

В рамках организованной преступности можно назвать такие виды деятельности, как наркобизнес, нелегальная торговля оружием и вооружением, незаконная миграция и торговля людьми, секс индустрия (включая порно-бизнес), оборот краденых автомобилей, несанкционированная торговля культурными ценностями, флорой и фауной,

⁶⁷ Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск, 2001. С.11.

радиоактивными металлами, человеческими органами и др. И, наконец, отмывание денег, то есть легализация преступных доходов. Во всех перечисленных отраслях преступной экономики заняты миллионы людей в разных частях земного шара и, казалось бы, объединенных содержанием своей деятельности в единую систему транснациональной, международной, глобальной организованной преступности.

Терроризм

Терроризм (*terror* – *лат.* страх, ужас) является одной из серьезнейших современных глобальных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма и в общественных науках. Вот лишь некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста⁶⁸):

- «систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилием»⁶⁹;
- «форма угрозы насилием или применения насилия по политическим мотивам»⁷⁰;
- «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»⁷¹;
- «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»⁷²;
- «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»⁷³;

⁶⁸ Cassesse A. *Terrorism, Politics and Law*. Cambridge: Polity Press, 1989, p.3.

⁶⁹ Чаликова В. *Терроризм*. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С.309.

⁷⁰ *Das neue taschen Lexikon*. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16. S. 59-60.

⁷¹ Шнайдер Г. Й. *Криминология*. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 439.

⁷² Кабанов П.А. *Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение*. Нижнекамск, 2000. С.40.

- «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении нечем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников»⁷⁴.

Из приведенных и других многочисленных определений вырисовываются прежде всего два основных признака терроризма:

1. применение или угроза применения *насилия*;
2. его политическая (в широком смысле слова) *мотивация*.

Но есть еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов* террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц («ни в чем не повинных людей») ради достижения отдаленного объекта – удовлетворения политического (экономического, социального) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика»⁷⁵.

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще Laqueur: «один – террорист, другой – борец за свободу»⁷⁶. Эта тема подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor⁷⁷. *Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Слишком многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам.* Ganor пытается провести различия

⁷³ Laquer W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P.79.

⁷⁴ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С.53.

⁷⁵ Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С.8.

⁷⁶ Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown &Co, 1987. P. 302.

⁷⁷ Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3, N 4. P. 287-304.

между анализируемыми феноменами. В приводимых и обосновываемых им схемах вначале отграничиваются *объявленная война* - между государствами и *необъявленная война* – между организациями и государством. Последняя включает, прежде всего, *терроризм* и *партизанскую войну*. Кроме того, к необъявленной войне могут относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война* ведется *против вооруженных сил*, военных и техники, тогда как *терроризм* направлен *против мирного населения*, «некомбатантов» (*noncombatant*) при сохранении политической мотивации насильственных действий. Мне представляется это различие весьма существенным и позволяющим конкретизировать некоторые наши оценки. Другое дело, что и предлагаемое различие несколько условно (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»...). Во всяком случае, Ganog называет три важнейших элемента терроризма: (1) применение или угроза применения насилия; (2) политические цели (мотивы) деятельности; (3) реальными целями оказывается мирное население, граждане⁷⁸.

Обычно различают террор и терроризм:

- *террор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);
- *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв “государственного террора”»⁷⁹.

Иначе говоря: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм – это

⁷⁸ Ganog. L.c. P.294-295.

⁷⁹ Чаликова Указ. соч. С.310; Ферро М. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С.314.

насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»⁸⁰.

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют – осознанно или нет – интересы массы *excluded* («исключенных») в современном мире. Поляризация на очень богатое и властное меньшинство «включенных» (*included*) и очень бедное и бесправное большинство «исключенных» (при относительном размывании «среднего класса» - гаранта устойчивости социальных систем) приводит в условиях глобализации экономики, политики, информационных процессов к опасному для всего человечества разделению стран и жителей каждой страны на *inclusive/exclusive*, «включенные» страны «золотого миллиарда» и «исключенные» – все остальные⁸¹. Напомним, что Н. Луман различал две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения⁸². Не является ли «негативная интеграция исключенных» главной социальной базой терроризма (впрочем, как и иных видов девиантности)?

Думается, что этот глобальный процесс и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. Примеры тому - агрессия США против Ирака (сколь бы «плохим» ни был Саддам Хусейн) и действия России в Чечне (какими бы «плохими» ни были «боевики»). *Террор вызывает терроризм*. Или, как писал экономист Д. Травин: «*Не мочите, да не мочимы будете!*». И не важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Права человека первичны и неотъемлемы (ст. ст. 1, 2, 3 Всеобщей декларации прав человека, 1948 г.). Нарушение прав человека рождает ответную насильственную реакцию, в частности – терроризм. *Требования ограничить права человека ради «борьбы с терроризмом» абсурдны*. Во-

⁸⁰ Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С.23.

⁸¹ О месте России среди «исключенных» см. подробнее: Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998.

⁸² Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект. 1998. С. 107.

первых, тем самым создается идеологическая база оправдания терроризма (как ответа на террор властных структур). Во-вторых, повышается риск граждан стать жертвой нарушения прав человека (что и наблюдается в России: *мы все в большей степени заложники власти, нежели террористов*).

Права человека и криминальные риски, включая терроризм, находятся в обратной, а не прямой, зависимости: *чем надежнее защита прав человека, тем ниже вероятность криминальных рисков*.

Хотя история политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит вглубь веков⁸³, однако большинство исследователей отмечают существенные отличия современного терроризма и как «неотъемлемой части государственного террора – одной из форм государственной политики»⁸⁴, и как систематического устрашения общества насилием: массовый характер (вплоть до геноцида со стороны властных структур⁸⁵), все возрастающее количество терактов и их жертв, глобализация (интернационализация) терроризма.

Нью-Йоркская трагедия 11 сентября 2001 г.⁸⁶ стала страшным символом новых реалий XXI века (может быть таким же, как Освенцим – символом бесчеловечности XX века). Показательно и то, что в качестве объекта самого страшного террористического акта в мировой истории были выбраны Нью-Йорк (как тут не вспомнить «Город Желтого Дьявола» М. Горького) и Международный Торговый центр – своеобразные символы стран «Золотого миллиарда» («включенных»).

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; военные действия, включая партизанские; отравление источников

⁸³ Применительно к России см.: Будницкий О.В. (автор-составитель). История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Дону: Феникс, 1996.

⁸⁴ Ферро. Указ. Соч. С.313.

⁸⁵ Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996.

⁸⁶ Подробное описание см.: Alexander D., Alexander Y. Terrorism and Business. The Impact of September 11, 2001. Transnational Publishers, Inc., 2002; Aust S., Schnibben C. (Hg). 11. September. Geschichte eines Terrorangriffs. Deutsche Verlags-Anstalt, 2002.

питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др. Неопределенность, размытость, многоликость терроризма приводят к многочисленным его классификациям по разным основаниям⁸⁷.

Не останавливаясь на юридическом (уголовно-правовом) аспекте проблемы терроризма⁸⁸, рассмотрим некоторые социально-политические вопросы.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимые страдания, бесспорно является *преступной* деятельностью (преступлением) и заслуживает самой суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, нежели чисто юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но ведь терроризм - преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи – «справедливы», имеют не меньшую ценность, чем те, против которых они выступают. Поэтому борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер - малоэффективна (хотя и необходима). Об этом свидетельствуют печальный опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими – в Сербии, с чеченскими – в России...

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и акторов «преступлений ненависти» (*hate crimes*). Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить

⁸⁷ См.: Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С.30-57; Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб. Юридический институт Генеральной прокуратуры, 1998. С. 9-11; White J. Terrorism. An Introduction. Pacific Grove (Calif.): Brooks/Cole Publishing Company, 1991. pp.8-13.

⁸⁸ Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006; Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Кабанов П.А. Указ.соч.; Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997; Овчинникова Г.В. Указ. соч.

недовольных, обиженных, "мучеников", а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом»⁸⁹.

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические, социальные, дипломатические) усилия по *предотвращению условий* для терроризма, по ненасильственному разрешению межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов. Разумеется, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но *не существует «простых решений» сложных социальных проблем*. Точнее говоря, так называемые «простые решения» (типа «ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) «бороться» с отдельными исполнителями терактов – угонщиками самолетов, киллерами, лицами, закладывающими взрывные устройства и т.п., но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить *причины, источники* терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов. Очевидно, не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах – Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. Из 79 известных к 1990 г. террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления пан-

⁸⁹ Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993. С.171.

арабского и исламского фундаментализма, 7 – служили примером удивительной смеси пан-арабизма и марксизма, 4 - относились к правозэкстремистским и нео-фашистским⁹⁰. Разумеется, это соотношение претерпело существенные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламистских.

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической, политологической литературе⁹¹.

Важно понять:

- мир без насилия в обозримом будущем невозможен;
- основная антитеррористическая задача – максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);
- основной путь такого сокращения – предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрессивными, политическими методами.

«Абсолютно ненасильственный мир – это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его минимуму. Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти»⁹².

Торговля людьми

⁹⁰ Long D. The Anatomy of Terrorism. The Free Press, 1990.

⁹¹ Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: 200. С.221-277; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С. 242- 296; Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Указ. соч. С. 162-208.

⁹² Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С.296.

Жизнь является высшей, абсолютной ценностью. Причем – *любая* жизнь, в том числе, животных, перед которыми столь виновато человечество. Неслучайно свой знаменитый девиз «*Veneratio vitae*» («благоговение перед жизнью») Альберт Швейцер распространял на все живое. Но абсолютную ценность представляет и *Свобода*. Только Свободный Человек в состоянии возможно более полно реализовать свои способности, дарования, талант, «осуществить себя». Жизнь неразрывно связана со Свободой. Вот почему первые же положения Всеобщей декларации прав человека (1948г.) гласят: «Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах» (ст.1 Декларации); «Каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия» (ст.2); «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (ст.3).

К сожалению, современный мир полон рисков для человеческой жизни и свободы. Неудивительно, что У. Бек рассматривает современное общество как «общество риска»⁹³. И проблема безопасности человека и его свободы является одной из острейших⁹⁴.

Торговля людьми («*Human trafficking*») – мировая проблема. Понятие «торговля людьми», согласно «Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» Генеральной Ассамблее ООН (ноябрь 2000 г.), включает три элемента: (1) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей; (2) использование неподобающих средств (принуждение, похищение, мошенничество или обман); (3) цели эксплуатации (сексуальная эксплуатация, принудительный труд, услужение или рабство)⁹⁵. Обычно различают следующие виды торговли людьми: торговля женщинами («белые

⁹³ Бек У. Общество риска. М., 2000.

⁹⁴ О криминальных рисках в России см., например: Гишинский Я. И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд, №2, 2005. С. 51-58.

⁹⁵ Подробнее см.: Кангаспунта К. Отображение ситуации, касающейся торговли людьми: предварительные выводы анализа базы данных о торговле людьми // Форум по проблемам преступности и общества. Т.1, №№ 1-2, 2003. С. 91-113.

рабыни»), детьми (для проституции, порнографии, нелегального усыновления), рабство, продажа органов.

Торговля людьми тесно связана с организованной преступностью, является разновидностью ее деятельности. Часто торговля людьми носит международный, транснациональный характер (хотя возможна и торговля в рамках одного государства - «белое рабство», сексуальная эксплуатация детей, рабский труд и др.).

Сведения об этом виде криминального бизнеса мало доступны. Данные официальной статистики чрезвычайно скупы и не отражают реальных масштабов бедствия. Лишь в некоторых странах ведется более или менее подробный учет деяний, связанных с торговлей людьми (Германия⁹⁶, Нидерланды⁹⁷, Швеция⁹⁸). Между тем, некоторые сравнительные данные, собранные «по крохам», опубликованы в статье Кристины Кангаспунты.

Так, среди стран *происхождения*, транзита или назначения в мировых отчетах первые места занимают (в порядке убывания): Россия, Украина, Нигерия⁹⁹. Среди регионов на первом месте по «экспорту» людей находится Азия, на втором – страны СНГ, на третьем - Африка, на последнем (шестом) – «развитые страны». Зато среди стран назначения на первом месте – «развитые страны». Что касается *жертв* торговли людьми («продаваемых»), то первые места (в порядке убывания) занимают Украина, Россия, Нигерия, Албания, Румыния, Молдова¹⁰⁰. Среди жертв сексуальной эксплуатации большинство – женщины, второе место занимают дети, ничтожное количество мужчин. Жертвами принудительного труда являются прежде всего дети, на втором месте – женщины, на третьем – мужчины. Гораздо меньше данных о *правонарушителях* (повторим: этот вид криминального бизнеса наиболее латентен). Однако и по этому показателю Россия занимает первое место, второе и третье делят Нигерия и Украина. Итак, *по ряду*

⁹⁶ Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999, 200, 2001.

⁹⁷ Trafficking in Human Beings: First Report of the Dutch National Rapporteur. The Hague: Bureau NRH, 2002.

⁹⁸ Trafficking in Women: Situation Report. N1-5. Stockholm: National Criminal Investigation Department, 1998-2002.

⁹⁹ Кангаспунта К. Указ. соч. С.100.

¹⁰⁰ Там же, с. 105.

показателей Россия наряду с Украиной и Нигерией входят в тройку стран максимального риска порабощения.

Изложенная ситуация не удивительна, поскольку основной объект торговцев людьми – «исключенные», лица, лишенные достатка, безработные, бездомные, сироты, малообеспеченные и наименее защищенные слои населения. Между тем в России по *официальным* данным около трети населения находятся за чертой бедности. По данным Доклада о мировом развитии 2005г. Всемирного банка, 31% населения России находятся за *национальной* чертой бедности (24% - за *международной* чертой бедности)¹⁰¹. Но ведь помимо *нищих*, находящихся ниже черты бедности, есть масса *бедных*, также практически «исключенных» и готовых к «продаже»... Только в Иркутской области в 2000 г. были полностью безработными 65,2% мужчин и 52,3% женщин, а у 60% населения уровень доходов был ниже прожиточного минимума¹⁰².

Различные виды торговли людьми «ставят под сомнение возможность демократии в странах, где половина населения может рассматриваться как потенциальный товар, который может быть куплен, продан и поработен»¹⁰³.

Остановимся кратко на некоторых видах *human trafficking*.

Торговля женщинами

«Белые рабыни» - преобладающий «товар» на рынке людей. Объем мировой торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации оценивается от 7 до 12 миллиардов долларов в год, ежегодно принуждаются к работе в секс индустрии до 2 миллионов женщин и детей¹⁰⁴.

Называют четыре «волны» импорта «белых рабынь»: первая – из Таиланда и Филиппин, вторая – из Доминиканской Республики и Колумбии,

¹⁰¹ Доклад о мировом развитии 2005: Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005. С.261.

¹⁰² Репецкая А.Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический альманах. 2003, N3. С.31.

¹⁰³ Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001. С.81.

¹⁰⁴ Репецкая А.Л., 2001. Указ. соч. С.77.

третья – из Ганы и Нигера. Четвертая волна женщин охватила страны бывшего СССР, прежде всего Россию, Украину, Белоруссию, а также Латвию. В мировой секс индустрии отмечается спрос на славянских женщин. В частности, для бизнесменов Японии, Китая, Таиланда они считаются «символом престижа»¹⁰⁵. Много женщин из России и стран СНГ занимаются проституцией в странах Западной Европы (нам приходилось встречать наших соотечественниц на Репербане Гамбурга, в «квартале красных фонарей» Амстердама, в портовых кварталах Антверпена) и США. Свыше 10000 женщин были вывезены транснациональными преступными организациями из России и Украины в Израиль для занятия в сфере секс индустрии, оборот которой вырос до 450 миллионов долларов в год¹⁰⁶.

В докладе профессора Хана на конференции в Киото (10-11 декабря 2004 г.) говорилось о динамике миграции женщин в Корею. Если до 1993 г. абсолютно преобладали жительницы Филиппин, то с 1994 г. начался «заезд» женщин из России, а с 1996 г. и из Узбекистана. К 2000 г. число мигранток из Филиппин и России сравнялось, а с 2001 г. большинство составили последние. Так, в 2002 г. количество приезжих женщин из Филиппин достигло 1664, из России - 2290, из Узбекистана – 496, на все другие страны пришлось 835 женщин.

Поскольку условия труда в сфере сексуальных услуг рабские, некоторые женщины, спасая себя, по договоренности с «хозяевами» возвращаются на родину для вербовки новых жертв. Это приобрело название «вторая волна». При этом вербовщица получает за каждую завербованную женщину от 200 до 5000 долларов США. Перевозка завербованных женщин из страны-экспортера в страну-импортер производится как легально (туризм, на работу, к родственникам), так и нелегально.

Активно функционирует криминальный рынок «живого товара» – *незаконная миграция, экспорт проституток.*

¹⁰⁵ Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000, №1. С.57-66.

¹⁰⁶ Репецкая А.Л. 2001. Указ. соч. С.79.

Российские проститутки экспортируются в страны Западной Европы, в США, Канаду, страны Латинской Америки, а также в Китай. Им посвящены публикации от академических изданий до массовых иллюстрированных журналов¹⁰⁷.

По некоторым данным, насильственно вывезенные из России женщины занимаются проституцией более чем в 50 странах¹⁰⁸. По официальным данным МВД РФ, только за три года – с 1994 по 1997 - были раскрыты сотни организованных преступных групп, вербующих российских женщин для занятия проституцией в странах Европы, Среднего Востока, Северной Америки и Азии. Женщины из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Екатеринбургa и других городов вывозились с помощью фальшивых паспортов, виз и приглашений. К основным формам вербовки относятся: газетные сообщения о найме на работу за границей женщин в возрасте от 18 до 30 лет с выгодными условиями «безопасной работы»; «вторая волна», о которой говорилось выше; путем конкурсов красоты; прямые объявления о работе проститутками; через «брачные агентства»¹⁰⁹.

Из дальневосточного региона России (Владивосток, Хабаровск и др.) больше всего «белых рабынь» транспортируется в Китай. На втором месте – Южная Корея, на третьем – Япония. Исследования, проведенные в Германии, также свидетельствует о преобладании (79%) среди жертв торговли людьми женщин из стран центральной и восточной Европы, включая Россию¹¹⁰.

Разновидностью секс-индустрии является секс-туризм. К числу стран, в котором развит секс-туризм, относятся, например, Куба, Россия, Доминиканская Республика. Российский рынок сексуальных услуг оценивается, по различным данным от \$670 млн. до \$770 млн.

¹⁰⁷ Например, From Russia with sex // New York, August, 10, 1998.

¹⁰⁸ Вебстер В.Х. Российская организованная преступность – проект глобальной организованной преступности. Вашингтон: Центр стратегических и международных исследований, 1997. С. 26-32.

¹⁰⁹ Торговля людьми, 2002. Указ. соч. С.42-44.

¹¹⁰ Herz A. Trafficking in Human Beings: An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg in Br., MPI, 2006, p.14.

Торговля детьми

Это одна из самых страшных разновидностей *human trafficking*. Дети используются для секс бизнеса, порнографии, нелегального усыновления (последнее – не худший вариант).

Социальной базой торговли детьми в России служат более чем два миллиона бездомных и сирот, дети алкоголиков, а также те из детей, которые добывают деньги для «сладкой жизни».

Сотрудники Центра девиантологии СИ РАН исследовали сексуальную эксплуатацию детей в Северо-Западном регионе (Санкт-Петербург, Выборг, Петрозаводск и др.)¹¹¹. Большинство клиентов детской проституции – «новые русские», городские «авторитеты» (криминальные) и иностранные гости, преимущественно из Финляндии, а также из Швеции, Германии и Великобритании. Оральный секс с детьми стоил (на момент исследования - 2000-2001 гг.) 100-150 руб. (US\$3-5), половое сношение – 200-250 руб. (\$7-8), ночь с клиентом – от 500-600 до 1000 руб. (от \$17-20 до \$30-35). Мальчики ценятся дороже – 3-7 тыс. руб. (\$100-250) Но если родители детей - алкоголики, то они продавали детей за бутылку водки (около \$3)...

Детская порнография – очень скрытый и весьма доходный бизнес. Уличные дети – беспризорные, бездомные, безнадзорные - охотно отвечают на предложение вербовщиков. «Уличные дети наиболее уязвимы для эксплуатации в качестве моделей порнографии – видео или иного вида. Лица, вовлеченные в производство порнографических изданий, отыскивают таких детей на улицах, рынках, около станций метрополитена или вокзалов и в других городских местах. Накормив их, они предлагают детям "заработать хорошие деньги". Дети, находящиеся в экстремальной экономической ситуации, надеются, что это будет простой путь заработать деньги, получить еду, одежду, иногда – наркотики, алкоголь, сигареты...

¹¹¹ Gurvich, I., Rusakova, M., Pyshkina, T., Yakovleva, A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Sweden: Stockholm, 2002.

Кадеты (учащиеся военных школ) Санкт-Петербурга нередко используются для получения гомосексуальных порно-материалов»¹¹².

Назовем также в качестве примера выявленную в Москве полицией в 2000 г. подпольную домашнюю киностудию «Голубая орхидея», создающую разнообразную порнографическую продукцию с участием детей. В результате расследования были выявлены списки ее клиентов из 24 стран.

Принудительный труд или рабство

Удивительно, но принудительный труд, рабство оказались распространены в XX-XXI вв. Жертвами этого вида торговли людьми становятся мужчины, женщины, дети.

В современной России рабский труд был распространен в Кавказском регионе, но в печать проникали сведения и о рабстве в центральных регионах Европейской части страны. О таком «рабовладельце» в Ленинградской области говорится в одном из очерков А. Константинова¹¹³. По последним данным (июль 2007 г.), прокурор Башкирии был рабовладельцем, насильно удерживая в рабских условиях 12 человек.

Как и в других случаях торговли людьми, основной причиной трудовой миграции служит экономический фактор: низкий уровень заработной платы на родине или безработица, невозможность устроиться на работу. Как сообщает пресса, в некоторых регионах Республики Молдова почти все взрослое население выезжает на заработки в Италию или Россию. В результате дети остаются безнадзорными или на попечении родственников. Вот как объясняет журналистке свой вынужденный отъезд из Молдовы на заработки в Россию одна из матерей: «Ну, вот я буду сидеть дома и плакать с детьми, что нечего есть и обуть [т.е. нет обуви – Я.Г.]. И что? Лучше я буду плакать одна, там, ночью в подушку, а у детей здесь будут деньги»¹¹⁴.

¹¹² Gurvich I. et all. Ibid., p.27.

¹¹³ Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб: Библиополис, 1997. С.251-258.

¹¹⁴ Ивлева В. Страна одиноких детей // Новая газета, 06-08.11.2006. С.13.

В настоящее время фактически рабский труд широко распространен в России за счет легальных и – в основном – нелегальных мигрантов из стран СНГ, особенно Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Молдовы, а также из Китая, Вьетнама, Афганистана, Северной Кореи, отчасти – из африканских и латиноамериканских стран. Условия труда и жизни рабов XXI века ужасны. Нередко их жизнь заканчивается самоубийством¹¹⁵.

Так, по данным одного из исследований в России, 80-90% мигрантов принуждаются «хозяевами» к работе сверх положенного времени; до 90% мигрантов не имеют оплаченных выходных, отпуска по болезни, иных социальных льгот; без оплаты труда или с неопределенными условиями и размером оплаты работают 25-47%. К элементам *рабского* труда относятся: ограничение свободы и изоляция (25-30% мигрантов); обман, угрозы, шантаж (27-35%); принуждение к секс-услугам (25-30% женщин); наличие долга работодателю (15-18%)¹¹⁶. Кроме того, множество трудовых мигрантов живут в ужасающих условиях, в бараках без электричества, без отопления, без канализации («удобства во дворе»¹¹⁷).

В связи с массовой миграцией в России начал формироваться институт «черного посредничества». Специальные агенты ездят по селам и городам стран СНГ, вербуя людей под предлогом «хорошего заработка» в России, а в действительности для занятия проституцией, тяжелым трудом в строительной отрасли с рабскими условиями труда, а иногда – и в качестве гладиатора¹¹⁸.

Более того, существует практика продажи в рабство в современной... российской армии! Известны многочисленные случаи продажи офицерами солдат различным бизнесменам. Один из ставших известным случаев произошел в сентябре 2006 г., когда в городе Чита (Восточная Сибирь)

¹¹⁵ Репецкая А.Л., 2003. Указ. соч. С.34.

¹¹⁶ Тюрюканова Е., 2006. Указ. соч. С.ХІХ.

¹¹⁷ Отсутствие туалета в жилом помещении, приходится справлять естественную нужду в деревянных сооружениях на улице, убожество которых может представить только тот, кто это видел в России...

¹¹⁸ Интервью с таким современным гладиатором опубликовано в: Тюрюканова Е., 2006. Указ. соч. С.184-186.

офицер продал солдата своей воинской части местному предпринимателю за 35000 рублей (около \$1300). Солдат находился в военном госпитале без ноги и без глаза, что явилось результатом рабской эксплуатации.

Торговля внутренними органами

Это одна из наиболее скрытых и быстро развивающихся отраслей криминального бизнеса. Существует международный черный рынок «изделий» для трансплантации сердца, почек и других органов человека.

Мировые и национальные проблемы предупреждения и сокращения торговли людьми чрезвычайно сложны.

Во-первых, этот вид криминальной деятельности один из наиболее скрытых, латентных. Достаточно отметить, что при значительной распространенности торговли людьми в России были зарегистрированы в 2002-2004 гг.: принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации (ст.120 УК РФ) - 0 преступлений, в 2005-2006 гг. – по 1; торговля людьми (ст.127-1 УК) – 0-17 преступлений, в 2005-2006 – соответственно 60 и 106; использование рабского труда (ст. 127-2 УК) – 0-8 преступлений, в 2005-2006 гг. – 20 и 19; торговля несовершеннолетними (ст.152 УК) – соответственно по годам 10, 21, 0 преступлений; незаконное усыновление (ст.154 УК) – соответственно 3, 0, 1 преступлений, 2005–2006 – 7 и 9¹¹⁹.

Во-вторых, все формы торговли людьми – порождение экономических, социальных, политических процессов в условиях глобализации. Социально-экономическое неравенство различных стран и социальных групп – основной фактор *human trafficking* также как иных девиаций – преступности, нарко- и алкопотребления, проституции и др. Ясно, что неимущие, «исключенные» нуждаются в средствах для выживания, другая часть населения – в деньгах для «лучшей жизни» («сладкой жизни»). Наконец, какая-то часть

¹¹⁹ Преступность, криминология, криминологическая защита / ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2007. С. 337-341.

«включенных» - не брезгает получить сомнительные удовольствия. Криминал пользуется этим, «обеспечивая» тех, других и третьих (и прежде всего – себя) такими средствами.

В-третьих, торговля людьми в эпоху глобализации относительно новая проблема. Привычные методы выявления, регистрации, профилактики, противодействия социальному «злу» в данном случае не срабатывают. Тем более важны национальные и межгосударственные (кросс-культуральные) исследования торговли людьми и выработка методов и средств противодействия этому.

Иные виды девиантности

Глобализация влияет – может быть менее явно - и на иные проявления девиантности.

*Потребление алкоголя*¹²⁰

Традиционно уровень алкоголизации внутри отдельных стран ограничивался территориальной замкнутостью и торговыми барьерами. Считалось, что главные проблемы, связанные с употреблением алкоголя, находятся в пределах одного государства. Ускоренные темпы экономической и культурной глобализации делают такие представления устаревшими. Наметились некоторые общемировые тенденции.

Так, при общем нарастании процесса алкоголизации населения в большинстве стран, динамика носит волнообразный характер. С середины XIX в. насчитывается три «волны» роста алкопотребления, продолжительность каждой из которых составляет 50-70 лет. Первая из них пришлась на середину XIX в., вторая «волна» началась в конце XIX в. и продолжалась до 1920-30-х гг. Последняя из «волн» имела место в послевоенный период и закончилась в конце 1970-х гг. С начала 80-х гг. XX

¹²⁰ В разделе частично использованы материалы И. Гурвич и Н. Горячевой.

в. потребление, в особенности вина, в меньшей степени – пива, несколько сократилось. Сегодня в среднем в европейских странах выпивается крепких спиртных напитков 2,2 литра на человека в год, пива – 71,6 литра, вина – 25,9 литров¹²¹.

Сложились относительно устойчивые предпочтения (паттерны) в потреблении тех или иных видов алкогольных изделий: «винопьющие» страны винодельческой Европы (Франция, Италия, Испания, Португалия) и некоторых стран Латинской Америки (Чили, Аргентина); «пивопьющие» центрально-европейские страны (Чехия, Германия, Бельгия); предпочитающие крепкие алкогольные напитки («спиртопьющие») страны Северной и Восточной Европы (Финляндия, Ирландия, Польша, Россия и др.).

Еще одна тенденция - рост потребления пива в большинстве стран, включая «винопьющие» и «спиртопьющие». Отчасти это можно объяснить «модой», но сама мода порождена рядом факторов: относительная дешевизна пива; политика ряда стран (включая Россию) на вытеснение потребления крепких алкогольных напитков (водки, виски) пивом; разнообразие пивных марок, в т.ч. «престижных»; допустимость рекламы пива там, где запрещена реклама крепких напитков и др.

Криминогенную роль играет складывающийся межрегиональный нелегальный трафик сырья (спирта) и готовой контрафактной алкогольной продукции (Нидерланды, Польша, Россия и др.).

Алкогольная ситуация в пятнадцати европейских странах в 1950-2000 гг. характеризовалась процессом так называемой *гомогенизации*, т. е. установления однородности.

Гомогенизация в сфере употребления алкоголя была сильнее выражена в первой половине названного периода, а в сфере контроля алкоголизации – во

¹²¹ Rehn N., Room R., Edwards G. Alcohol in the European Region – Consumption, harm and policy. Copenhagen. WHO Regional Office for Europe, 2001.

второй. Гомогенизация идет тремя основными путями: нарастанием глобализации и интеграции в экономике, гармонизацией политических реформ и путем культурной диффузии, вследствие развития современных коммуникационных технологий.

Высокой гомогенностью алкоголизации характеризуются страны Восточной Европы, в том числе бывшие европейские республики СССР: Россия, Украина, Белоруссия, Прибалтийские государства. В них отмечается высокий уровень потребления алкоголя и соответствующих проблем. В советский период в них действовали государственные монополии. В 90-е годы эти государства прошли этап стихийного спиртного рынка. В настоящее время в части из них алкогольная ситуация нормализуется. В связи со вступлением в ЕС стран Балтии возобновляются действия и программы по контролю алкоголизации.

Интернациональная алкогольная индустрия включилась в рынок водки в новых независимых государствах уже в начале 90-х гг. Это были, главным образом, производители алкоголя из стран ЕС. Они практически подавили самогонварение в России, поставляя в страну около 500 млн. литров спирта в год. Восточная Европа оказалась поделенной между интернациональными алкогольными холдингами. В поисках новых рынков алкогольные транснациональные компании, специализирующиеся сегодня в основном на рынке пива, наращивают экспансию в развивающиеся страны, используя слабость политической системы и либерализацию экономики.

Динамично и «глобально» распространяется «мода» на определенные виды алкогольных изделий (мексиканская текила, чилийские и австралийские красные вина, а в качестве «статусного» потребления – французские коньяки и шампанское).

Коррупция

Коррупция, с одной стороны, «внутреннее дело» каждого государства. Причем тотальная коррупция всех ветвей и уровней власти в России стала «проблемой №1», поскольку ни одна социальная проблема не может быть решена: все сводится к тому, кто, кому, сколько заплатит¹²². С другой стороны, процессы глобализации сказались на коррупции по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, интернационализация бизнеса и финансов привели к глобализации коррупционных отношений между бизнесом и чиновничеством различных государств. Во-вторых, коррупционные деньги стали значительным ресурсом и поводом «отмывания денег» (*money-laundering*).

Суицидальное поведение

Суицидальное поведение - один из сложнейших социальных феноменов, требующий серьезного изучения.

Ежегодно сотни тысяч людей во всем мире добровольно уходят из жизни (по данным ВОЗ - свыше 500 тысяч). На порядок выше количество покушавшихся на свою жизнь. Только в России за десятилетие (1992 - 2002) каждый год погибало в результате самоубийств свыше 50-60 тысяч человек¹²³.

Количество и уровень (в расчете на сто тысяч человек населения) самоубийств, как следствие социального неблагополучия, служит одним из важнейших индикаторов социального, экономического, политического, нравственного состояния общества. Не случайно в бывшем СССР древняя и трагическая тема самоубийства в течение многих десятилетий (с конца 20-х годов до горбачевской «перестройки») находилась под строжайшим запретом. Ибо, как заметил еще в середине прошлого столетия Г.Т. Бокль: «Самоубийство есть продукт известного состояния всего общества»¹²⁴.

¹²² Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд. 2-е. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С.276.

¹²³ Здесь и далее данные о России по ежегодникам «Демографический ежегодник России». М.: Госкомстат России.

¹²⁴ Бокль. История цивилизации в Англии. СПб, 1886. Т.1. Ч.1. С.30.

Руководство СССР, осознанно или интуитивно понимая это, тщательно скрывало ситуацию с самоубийствами в стране.

Самоубийство, суицид (лат. *sui* - себя, *caedere* - убивать) – умышленное (намеренное) лишение себя жизни.

Это лишь одно из возможных и наиболее простых определений сложного социального феномена.

Не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствий (невменяемые, дети в возрасте до пяти лет). В этом случае должна фиксироваться смерть от несчастного случая.

Суицидальное поведение включает завершённое самоубийство, суицидальные попытки (покушения) и намерения (идеи). Эти формы обычно рассматриваются как стадии или же проявления одного феномена. Однако некоторые авторы (Е. Stengel, R. Fox и др.) относят завершённый и незавершённый суицид к различным, относительно самостоятельным феноменам («две различные психологические популяции»), исходя из того, что в ряде случаев покушения носят шантажный характер при отсутствии умысла на реальный уход из жизни.

Под словом «самоубийство» в русском языке понимаются два разнопорядковых явления: во-первых, *индивидуальный* поведенческий акт, лишение себя жизни конкретным человеком; во-вторых, относительно массовое, статистически устойчивое *социальное явление*, заключающееся в том, что некоторое количество людей добровольно уходит из жизни. В некоторых языках, включая английский, немецкий, русский, отсутствует дифференциация этих двух различных понятий. Поэтому лишь из контекста бывает ясно, идет ли речь о поступке человека, или же о социальном феномене.

В самом широком смысле, самоубийство - вид саморазрушительного, аутодеструктивного поведения (наряду с пьянством, курением, потреблением наркотиков, а также переизбытком). В более узком, медико-биологическом

смысле, самоубийство означает вид насильственной смерти с указанием ее причины.

Эвтаназия - причинение смерти другому лицу по его настоянию. Чаще всего бывает при неизбежном мучительном конце последнего и невозможности самостоятельно совершить самоубийство. Вопрос о правомерности (непреступности) эвтаназии широко обсуждается в литературе и законодательной практике. К этой проблеме мы вернемся ниже, тем более, что ее решение тесно связано с глобализацией.

Некоторые общемировые закономерности динамики самоубийств известны давно. Количество и уровень (на 100 тысяч человек населения) самоубийств, как показал Дюркгейм, находятся в обратной корреляционной зависимости от степени интеграции, сплоченности общества. Поэтому, по Дюркгейму, уровень самоубийств в католических странах ниже, чем в протестантских. И в наше время наблюдается более низкий уровень самоубийств в католических странах (Италия, 1999 – 7,5; Испания, 1999 – 7,5; Португалия, 1999 – 6,2), чем в протестантских (Австрия, 1999 – 20,7; Дания, 1993 - 22,3; Финляндия, 1999 – 26,3; Чехия, 1993 - 18,6; Швейцария, 1999 – 20,1 и др.)¹²⁵.

По той же причине, во время войн снижается уровень самоубийств (сплочение общества перед лицом общей опасности, общего врага). Об этом свидетельствует динамика суицида во время войн, включая первую¹²⁶ и вторую мировую¹²⁷.

Уровень самоубийств повышается в годы экономических кризисов, депрессий и роста безработицы. Так, на протяжении почти всего XX столетия, уровень самоубийств в США был весьма стабилен: 10 - 12 на 100 тыс. человек населения. И лишь в годы «Великой Депрессии» этот уровень увеличился до 17,5 (1932 г.).

¹²⁵ World Health Statistics. Annual, 1996. World Health Organization, Geneve, 1998; Российская газета, 1999, 4 декабря.

¹²⁶ Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.

¹²⁷ Podgorecki A. Patologia zycia spolecznego. Warszawa, 1969.

Как все виды социальных девиаций, самоубийства чутко реагируют на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы ее изменения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения¹²⁸. Особенно «самоубийственно» резкое снижение социального статуса («комплекс Короля Лира»). Поэтому относительно высок уровень самоубийств в первые месяцы у солдат срочной службы, среди демобилизованных офицеров, у лиц, взятых под стражу.

Будучи, в конечном счете, следствием отсутствия или утраты смысла жизни («экзистенциальный вакуум») самоубийства растут в годы идеологических кризисов, «смены вех». Как писал еще Ф.М. Достоевский, «потеря высшего смысла жизни... несомненно ведет за собою самоубийство»¹²⁹.

На уровень самоубийств влияет историко-культурологический фактор: насколько данная культура предлагает, подсказывает суицидальную модель возможного «решения» кризисной ситуации. Может быть поэтому традиционно высок уровень самоубийств среди жителей стран угро-финской группы (Венгрия, 1995 - 32,9; Финляндия, 1995 - 27,2, 1999 – 26,3; Эстония, 1995 - 40,1; Удмуртия, 1986 - 41,1), а уровень самоубийств у черного населения США значительно ниже, чем у белого, хотя социально-экономические различия заставляют предположить обратное¹³⁰.

В некоторых культурах сложился ритуал добровольного ухода из жизни: японское сэппуку (в западном варианте, а для японцев - с элементами иронии - харакири), сати индийских вдов и т.д. Наконец, устойчиво одинаковое распределение самоубийств среди различных социально-демографических групп населения также свидетельствует о социальной природе самоубийств¹³¹.

¹²⁸ См.: Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, №8. С.73-78.

¹²⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1982. Т.24. С.49.

¹³⁰ Akers R. Deviant Behavior: A Social Learning Approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc., 1985. p. 279.

¹³¹ Гернет М.Н., 1974. Указ. соч.; Гишинский Я., Румянцева Г. Основные тенденции самоубийств в России: социологический анализ // Петербургская социология. 1997. №1. С.60-77.

О свободе выбора - жить или не жить - все больше рассуждают в современной литературе¹³². В этой связи вновь и вновь обсуждается проблема *эвтаназии* – оказании помощи в смерти по ясно выраженной просьбе индивида (пациента) и при наличии определенных условий (тяжелый неизлечимый недуг, приносящий страдания, неизбежная смерть в плену или на эшафоте и т.п.). «Дело» врача Дж. Геворкяна, обвиняемого в «убийстве» безнадежно больных пациентов по их просьбе, - лишь повод для всплеска интереса к этой теме.

Думается, проблема эвтаназии может рассматриваться в нескольких плоскостях. *Нам представляется безусловным право человека распоряжаться своей жизнью.* Другое дело - имеет ли право врач оказывать просимую услугу по облегчению ухода из жизни. При всей дискуссионности этого вопроса нам кажется, что в принципе это допустимо. Бывают случаи, когда человек, страдающий тяжелой неизлечимой болезнью, причиняющей неустрашимые физические и / или психические страдания, принимает вполне сознательное решение прекратить их единственно возможным путем, но у него нет возможностей лично реализовать свое намерение. Аналогичные ситуации возникают во фронтовых условиях (тяжелое ранение, невозможность выйти из окружения, реальная перспектива пыток и уничтожения в случае попадания в плен и т.п.). В подобных случаях эвтаназия выступает актом милосердия, а отнюдь не преступлением. Очевидно, должны быть выработаны (возможно, под эгидой Всемирной Организации Здравоохранения - ВОЗ) единые международные правила, а также соответствующие им национальные нормы, предусматривающие условия и процедуру применения эвтаназии, гарантирующие от злоупотреблений (перечень ситуаций, допускающих эвтаназию; явно выраженная воля лица, принявшего такое решение; заключение консилиума врачей и др.). Первоначально в современном мире это сделали

¹³² Чхартишвили. Указ. соч.; Паперно. Указ. соч.; Hansen K. Assisted Suicide // Bryant C. (Ed.). 2001. Ibid. Vol. IV. pp.146-149; Smith W. Forced Exit. The Slippery Slope from Assisted Suicide to Legalized Murder. Times Books. Random House, 1997.

Нидерланды¹³³. Но уже в одной из клиник Швейцарии разрешено осуществление эвтанази. Будет ли и далее «глобализироваться» легализация эвтанази? Надеемся, что – да.

Каково, с нашей точки зрения, влияние процессов глобализации на такое, казалось бы сугубо индивидуализированное явление, как суицидальное поведение?

Во-первых, углубление раскола стран и каждой популяции на включенных / исключенных не может не отразиться на суицидальных интенциях «исключенных».

Во-вторых, потенциально возможные «эпидемии» самоубийств (прообразом которых было распространение «моды» на самоубийство в Западной Европе после «Страданий молодого Вертера») могут охватывать все большие территории.

В-третьих, «глобализируются» идеи и призывы к самоубийству, распространяемые через сайты самоубийц в Интернете.

В-четвертых, глобальную угрозу представляют террористы-самоубийцы (шахиды), как правило, из числа «исключенных».

В-пятых, «глобализируются» методы добровольного ухода из жизни, причем примером служат шахиды. Так во вполне благополучной Финляндии несколько человек покончило жизнь самоубийством, взрывая себя в своей квартире, в собственном доме, в автомобиле.

В-пятых, некоторые тенденции и «волны» самоубийств, проявляющиеся и ранее, будут, вероятнее всего, «глобализироваться». Однако для отслеживания этого необходим интернациональный мониторинг. Тем более, что уровень и динамика самоубийств служат одним из самых достоверных индикаторов состояния общества.

¹³³ «Предписание для врача, составляющего отчет об эвтаназии», утвержденные Парламентом королевства Нидерланды. См.: Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. Указ соч. С.48-49.

Мораль и сексуальные «отклонения»

Нормы морали, пожалуй, наиболее «локальны», формируются в относительно замкнутых культурах и этносах, «малых сообществах», субкультурах. Поэтому глобализация очевидно в незначительной степени затрагивает моральные ценности и нормы. «На международном уровне мы сталкиваемся с глобализацией (интернационализацией) преступности, а в сфере общественных нравов – с громадным разнообразием взглядов, привычек, ценностных ориентаций, характеров и норм поведения, свойственных разным народам, классам и слоям населения»¹³⁴.

Однако, во-первых, существует относительно небольшой круг «глобальных» нравственных требований, присущих большинству культур (запрет на убийство «своих», запрет инцеста и т.п.). Во-вторых, глобализация парадоксальным образом затрагивает локальные нормы нравственности, которые – в порядке протеста против глобализации - консервируются и особенно активно защищаются членами сообществ (этносов, культур, конфессий) от «разлагающего влияния» глобализма. В-третьих, само это влияние *step by step* (шаг за шагом) все же нередко подтачивает консервативные требования малого сообщества, изменяя их, вовлекая в мировой круговорот. Пожалуй, наиболее показательными в этом отношении служат изменения сексуальной морали, ярким примером чему служит «сексуальная революция» второй половины минувшего столетия, охватившая многие замкнутые культуры, включая советское общество.

Человеческая сексуальность всегда была сферой повышенного внимания религиозных и светских властителей дум, полем борьбы представлений о дозволенном и недозволенном, «нормальном» и «девиантном». К XXI веку страсти, казалось бы, утихли, возобладала толерантность к различным проявлениям сексуальности. Занятие проституцией, добровольный гомосексуализм взрослых партнеров в большинстве цивилизованных стран

¹³⁴ Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002. С. 223.

перестали быть предметом уголовного и административного права. Все большее количество стран и людей выступают за сексуальный плюрализм¹³⁵. Сама сексуальность, стремление к сексуальному *удовольствию* постепенно освобождается от обязательности *чувств* (любви), *институтов* (брака) и *функций* (репродуктивных)¹³⁶.

Однако, во-первых, еще далеко не все светские и тем более религиозные государства встали на аболиционистский путь. Во-вторых, общественная мораль не всегда толерантна к «разврату», понимаемому подчас очень широко. В-третьих, появляются все новые и новые борцы за «нравственность». Так, с точки зрения некоторых вполне современных феминисток, все сексуальные отношения должны быть строго регламентированы и осуществляться только на договорных началах. Антиохийский кодекс, разработанный Антиохийским колледжем (штат Огайо), в частности требует от мужчин: «Вы должны получать согласие на каждой стадии процесса. Если вы хотите расстегнуть на ней блузку, следует спросить разрешения, если хотите потрогать груди, следует спросить разрешения» и т.д.¹³⁷... Американская Национальная ассоциация женщин (NFA) – ведущая феминистская организация США хотела ввести Антиохийский кодекс по всей стране, но большинство американцев высказались против этого.

Недалеко ушли отечественные радетели «чистоты нравов» из Государственной Думы, внося все новые проекты о законодательном запрещении занятия проституцией, об уголовной ответственности за добровольный гомосексуализм взрослых партнеров, об «усилении борьбы» с порнографией (правда, никто в мире еще не дал ей научного или правового определения), о запрете эротической кино- и телепродукции и т.п. При этом

¹³⁵ См.: Голод С.И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005; Рэйс А. Сексуальный плюрализм: Покончить с сексуальным кризисом в Америке. В: Социология сексуальности. Антология / ред. С.И. Голод. СПб Ф ИС РАН, 1997. С.49-63.

¹³⁶ См.: Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности. В: Социология сексуальности. Антология. Указ. соч. С.14-19.

¹³⁷ Цит. по: Брюкнер П. Новая война за самоопределение // Иностранная литература. 2003. №6. С.240.

забывают печальный отечественный и зарубежный опыт массового прогибационизма («запретительства»), в частности, эпохи гитлеровского и сталинского тоталитаризма.

Нетерпимость к любым отклонениям активно насаждается тоталитарными режимами, чье господство возможно лишь при тотальном единстве населения, в условиях подавления всякого инакомыслия и инакодействия. Эталоном нравственности и правильности поведения служит мораль Вождя, Фюрера - человека в действительности ограниченного и нетерпимого к проявлениям неординарности, оригинальности, индивидуальности. И Гитлер, и Сталин были нетерпимы к любым «отклонениям» (и «уклонам») не только в политике, но и в области искусства, духовной жизни, во взаимоотношениях между полами, осуществляя вмешательство государства в сферу сугубо личных, сексуальных и семейных отношений.

Но тоталитаризм тоталитаризмом, а идеи «не высовываться», «быть как все», нетерпимость ко всяким «вольностям», «неприличиям» господствуют еще в массовом сознании многих народов, особенно таких, как Россия, которая никогда за всю свою многовековую историю не была демократической страной, чуралась либеральной идеологии. Печально знаменитый ответ российской участницы международного телевизионного шоу: «У нас секса нет!» - результат и тоталитаристской обработки сознания, и глубоко укоренившихся представлений о «низменности», «греховности» сексуальных отношений¹³⁸.

Вышесказанное имеет непосредственное отношение к нашей теме. Мы знаем, что все девиации суть социальные конструкты, творение рук человеческих. От степени терпимости / нетерпимости общества и государства зависит, что именно будет признано «нормальным», а что – «девиантным». Особенно это относится к проявлениям сексуальности, ибо

¹³⁸ Подробнее см.: Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997.

при всей относительности преступности, наркотизма, алкоголизма, круг соответствующих деяний вырисовывается более отчетливо. В сфере же сексуальности «греховность» тех или иных проявлений полностью продукт религиозной или же общественной морали¹³⁹. Таких «грехов» накопилось столь много, что им посвящен отдельный том современной энциклопедии девиантности¹⁴⁰. В этом томе, в частности, рассматриваются: аборт, аутоэротическая асфиксия, зоофилия, бисексуальность, целибат (безбрачие), детская сексуальная активность, порнография, детская порнография, киберпорнография и компьютерный секс, эксгибиционизм, фетишизм, мужская и женская мастурбация (онанизм), мужской и женский гомосексуализм, сексуальные граффити, групповой секс, инцест (кровосмешение), некрофилия, педофилия, нудизм, мужская и женская проституция, изнасилование, садизм, мазохизм, садомазохизм, сексуальный каннибализм, транссексуализм, гиперсексуальность (нимфомания, сатириазис), вуайеризм или визионизм («подглядывание») и др.

С другой стороны, еще М. Фуко отмечал «спад» перверсий, ибо «сексуальные проявления, связанные с перверсиями, вовсе не ограничены небольшими категориями аномальных людей, а являются свойствами, присущими сексуальности всех людей»¹⁴¹.

Мы не сможем сколь либо подробно остановиться на всех перечисленных и неназванных (можно было бы добавить геронтофилию, трансвестизм, аутоэротизм или нарциссизм и др.) «отклонениях». Часть из них является результатом психических расстройств (перверсии или парафилии) и изучается психиатрией¹⁴². Другие носят социально-экономический характер (проституция, порнография и т.п.). Третьи

¹³⁹ См.: Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения. М.: Артания, 1995; Мастерс У., Джонсон В., Колодин Р. Основы сексологии. М.: Мир, 1998.

¹⁴⁰ Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. III. Sexual Deviance. Brunner-Routledge, Taylor and Francis Group, 2001. См. также: Лев-Старович З. Нетипичный секс. М.: Советский спорт, 1995.

¹⁴¹ Гидденс Э. Фуко о сексуальности. В.: Социология сексуальности. Антология. Указ. соч. С.33.

¹⁴² См., например: Справочник по психиатрии. М.: Медицина, 1985. С.249-252; Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. М.: Триада-Х, 1999.

рассматриваются как преступление (изнасилование, сексуальные манипуляции с детьми и др.) и служат предметом криминологии и уголовного права.

Что касается *гомосексуализма*, то сам термин был введен в научный оборот венгерским врачом К. Бенкертом в 1869 г., однако распространенность однополой любви известна издревле. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме.

Направленность сексуального влечения может быть не только гетеро- или гомосексуальной, но и *бисексуальной* (влечение к лицам обоего пола). Возможно одновременное наличие женских и мужских свойств, в том числе психологических, у одного индивида (андрогиния или бисексуальность в широком смысле слова).

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм *нормальны* в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. Заметим, кстати, что и многие животные виды не без гомосексуального «греха». О «нормальности» гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции.

Десятилетиями воспитываемые в советских людях ханжеская мораль, нетерпимость ко всякому инакомыслию и инакодействию, изоляционизм с присущей ему ограниченностью - на долгие годы определили взгляды соотечественников. И хотя годы горбачевской перестройки разрушили старые стереотипы, однако рецидивы нетерпимости к сексуальным меньшинствам проявляются до сего дня. И не только на уровне бытового сознания, но и среди «властителей дум», включая некоторых законодателей.

Заметим, что высказывания мэра Москвы Ю. Лужкова в отношении гомосексуалистов и запрет их шествия есть преступление (hate crime!), с точки зрения уголовного закона многих европейских государств.

Кроме того, само общество нередко создает обстоятельства, способствующие формированию и расширению социальной базы гомосексуализма. Это, прежде всего, институты тюрьмы, армии, закрытых «однополых» учебных заведений. Свыше 70 лет тому назад М.Н. Гернет писал: «Изучение тех условий, среди которых протекает в одиночных и общих камерах половая жизнь арестантов, раскрывает перед нами отвратительнейшие картины разврата в тюрьме в одиночку, парами, и безобразнейшие сцены общих оргий... В общих камерах развита педерастия в форме парного сожительства, наподобие брачного, и в форме проституции, когда пассивные педерасты предоставляют себя всем желающим за сходную цену»¹⁴³. С тех пор если что и изменилось, то добавилась практика применения акта мужеложства («опустить») в качестве санкции за нарушение неформальных норм поведения тюремного сообщества.

Но если жизнь тюремная и армейская способствует формированию гомосексуальной направленности у гетеросексуалов (чтобы не сказать – порождает ее), то представители «истинного» (генетического? врожденного?) гомосексуализма образуют соответствующую субкультуру геев и лесбиянок со своими традициями, сленгом, литературой, клубами, журналами¹⁴⁴.

Постепенно под влиянием глобализации и либерализации половой морали отношение к гомосексуалистам становится все более терпимым, а браки между ними легализуются. И не только в Нидерландах, которые идут «вперед планеты всей», легализуя потребление марихуаны, эвтаназию, гомосексуальные браки, но и в казалось бы традиционалистской чопорной Великобритании.

¹⁴³ Гернет М.Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. Юр. издательство Украины, 1930. С.100,106.

¹⁴⁴ В современной России журналы «Gay, славяне», «Ты» и др. См. также: Жук О. Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России XX век. М.: Глагол, 1998; Кон И.С. Лунный свет на заре: Лики и маски однополый любви. М.: Олимп, 1998.

Вообще, с нашей точки зрения, *толерантность* служит важным индикатором цивилизованности общества и непременным условием его выживания¹⁴⁵. Тем опаснее разгул ксенофобии в современной России¹⁴⁶.

Очень интересным и непростым проявлением девиантности служит *ложь*. Как общее правило, ложь осуждается. Нередко обман может повлечь тяжкие последствия, а потому некоторые виды лжи влекут административную или уголовную ответственность (мошенничество, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обмана, причинение имущественного ущерба путем обмана, обман потребителей, вовлечение в занятие проституцией путем обмана и др.).

«Бытовая», не криминализованная ложь может повлечь общественные санкции – недоверие, отказ вступать в деловые отношения, порицание, насмешку и др. Вместе с тем, существует понятие «ложь во спасение», обман, неправда с целью не волновать, не беспокоить, не огорчать других людей (не называть диагноз тяжело больному человеку, не рассказывать одному из супругов о неверности другого и т.п.).

Общественное отношение ко лжи и социальная реакция на нее существенно зависят от культуры. В современных странах *западной* ориентации преобладает резко отрицательное отношение к любой лжи, в том числе, «во спасение». В странах Западной Европы и Северной Америки врачи давно уже говорят правду пациенту, даже в случае тяжелой неизлечимой болезни, не скрывают сроков возможного конца.

В странах *восточной* ориентации обман, ложь часто используются в быту, межличностных и межгосударственных отношениях и нередко расцениваются как достоинство (знаменитая «восточная хитрость»).

¹⁴⁵ См., например: Пределы толерантности в современном обществе. СПбГУ, 2003; Актуальные проблемы толерантности в современном обществе. СПбГУ, 2004.

¹⁴⁶ Лихачев В. Нацизм в России. М.: Панорама, 2002; Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М.: За гражданское общество, 2005.

Россия, занимая «промежуточное» положение между Западом и Востоком, тоже склоняется к фактической допустимости обмана в отношениях между людьми, контрагентами. Девиз дореволюционных российских купцов и приказчиков «не обманешь, не продашь» сохранился до сих пор... Обман близких (мужа, жены, детей, друзей) тоже не воспринимается как нечто абсолютно недопустимое. Отсюда наше восприятие «западных» людей как «наивных». А они и вправду наивны в своей вере сказанному им нами. Двойственное отношение россиян в оценке лжи сказывается в воспитании детей. С одной стороны, в нормальной «приличной» семье детей учат не врать. С другой стороны, в этой же семье ребенка могут попросить: «подойди к телефону и скажи, что меня нет дома». Или: «не говори папе (маме), кого мы сегодня встретили». Или: «скажешь в школе, что у тебя болела голова (живот) и поэтому ты не выучил урок». Плоды такого воспитания не заставят себя долго ждать.

Глобализация экономических, технологических, торговых отношений должны постепенно заставить и российских предпринимателей воспринять, усвоить «западные» образцы сотрудничества на основе *доверия (trust)*, а не обмана.

Очень интересна в этом отношении ложь умолчания в *японской* культуре. Вежливость японцев – национальная черта. Эта же вежливость не позволяет им сказать «нет»! И вот что из этого получается. «Слово "да" каверзно тем, что вовсе не всегда означает "да". А слова "нет" надо остерегаться еще больше, потому что его положено обходить стороной... В разговорах люди всячески избегают слов "нет", "не могу", "не знаю", словно это какие-то ругательства... Если токийский знакомый говорит: "Прежде чем ответить на ваше предложение, я должен посоветоваться с женой", - не нужно думать, что перед вами оказался поборник женского равноправия. Это лишь один из множества способов не произносить слова "нет"»¹⁴⁷. Но может

¹⁴⁷ Овчинников В. Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1971. С.90.

быть приведенная цитата лишь преувеличение отечественного писателя? Обратимся к «первоисточникам». «Иностранцы зачастую принимают "хай" (да – Я.Г.) за согласие, тогда как на самом деле за ним скрывается прямо противоположное... Японцы знают, когда они подразумевают "нет", даже если не произносят его вслух. "Я подумаю об этом" – это форма очень твердого отказа»¹⁴⁸. Поэтому такое избегание отрицания - и ложь, и не ложь, а результат национальной вежливости, понимаемой лишь посвященными.

Обжорство, наряду со злоупотреблением алкоголем, наркотиками, табакокурением, самокалечением (самоповреждением), самоубийством также рассматривается как саморазрушающее девиантное поведение. Идеи похудания, «антиобжорства» явно интернационализируются.

Граффити – самодеятельные огромные росписи и рисунки на домах, вагонах, мостах, в подъездах и на лестницах домов и др. обычно оцениваются отрицательно, а их творцов называют «пачкунами», «варварами» и т.п. Однако, в целом ряде случаев талантливо выполненные граффити, не оскверняющие памятники культуры, становятся городской достопримечательностью и воспринимаются вполне лояльно, а то и с оттенком гордости.

Достаточно проехать как по России, так и по странам Западной и Восточной Европы, чтобы убедиться своими глазами в глобализации «граффитизации».

Издавна известен такой вид девиантности, как *страсть к азартным играм (gambling)*, зависимость от них (по Curtis Barrett и Eric Drogin, «патологическая зависимость без субстанции»). Неудержимая страсть к игре нашла художественное отражение в отечественной литературе. Достаточно вспомнить «Пиковую даму» А.С. Пушкина и «Игрока» Ф.М. Достоевского (впрочем, как и его биографию). С развитием игорного бизнеса, дополненного компьютерными играми, эта «игровая аддикция» приобретает

¹⁴⁸ Кадзи С., Хама Т., Райс Д. Эти странные японцы. М.: Эгмонт Россия, 2000. С.70.

все более широкие – глобальные - масштабы, а потому становится все более проблемной и требующей специальных исследований¹⁴⁹.

Позитивная девиантность

Проблема позитивных девиаций дискуссионна, сложна теоретически и мало исследована эмпирически. Между тем, именно позитивные девиации, с нашей точки зрения, служат *механизмом развития* общества, включая глобализационные процессы. Ибо откуда было взяться современным технологиям, средствам сообщения и связи, если бы не научно-техническое творчество индивидов и их групп (коллективов), которое является одним из проявлений позитивной девиантности?! Равно как и столь модная ныне инноватика.

Еще Э. Дюркгейм отметил «двойственность» девиаций: преступление и «преступление» Сократа, проложившего дорогу к морали будущего. Более основательно обратил внимание на «симметричность» девиаций Питирим Сорокин. В своей первой монографии петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) он отметил «курьез» научной мысли: «В то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления-наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется тою же научною мыслью. Мы говорим о "подвигах и наградах". Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды – как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений – огромному большинству юристов и

¹⁴⁹ См., например: Гилинский Я. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М.: ИС РАН, 2007. С.81-90.

социологов даже и неизвестны»¹⁵⁰. Но еще больший «курьез» состоит в том, что «курьез», отмеченный Питиримом Сорокиным в 1914 г., сохраняется до сих пор, как в мировой, так и особенно, в российской науке.

Первоначальное неприятие великих творений с последующим (чаще всего - слишком поздним для их создателей) признанием, восхищением и почитанием - общее место истории науки, техники, искусства. *Новое всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому воспринимается как аномалия. При этом, чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит.*

Как различные виды творчества, так и различные виды нежелательных для общества проявлений - суть *формы социальной активности*. При всей их общественной разнозначности имеется нечто общее, позволяющее уловить их единство: нестандартность, нешаблонность поступков, *выход за рамки привычного, за пределы нормы*. «Творчество осуществимо и объяснимо только как выход за пределы всякой заранее данной ограниченности, как результат способности со временем преодолеть любой заранее данный предел, *создать принципиально новую возможность*»¹⁵¹. Если «творчество потому и является таковым, что в нем непременно нарушаются какие-то существенные нормы деятельности, то есть обнаруживается, по существу, систематическое "уклонение от нормы"»¹⁵², если «глубинная общность науки и искусства состоит в том, что и тот и другой феномены возникли как средство прорыва из замкнутой скорлупы самодостаточного мира обыденного сознания»¹⁵³, то отклонение от социальных норм может носить и негативный характер, проявляясь как преступление, пьянство, наркотизм, проституция.

¹⁵⁰ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992. С.77.

¹⁵¹ Батищев Г.С. Творчество и рациональность (к определению понятия человека). В: Человек, творчество, наука. М.: Наука, 1967. С.95.

¹⁵² Обсуждение методологических проблем творчества // Вопросы философии. 1979, №3. С.165.

¹⁵³ Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976. №10. С. 114.

Заметим, что даже наука как социальный институт, функцией которого является создание нового, творчество (нормой деятельности должны быть девиации!), в действительности развивается по своим законам и каждое новое выдающееся открытие выступает отклонением, разрушающим парадигмы науки и встречающим соответствующий прием (непризнание, враждебное отношение и т. п.) пока не заменит былую парадигму, само став таковой¹⁵⁴. Поэтому «наивысшие достижения научной мысли всегда представляли собой выход за рамки парадигмальных норм, за пределы "нормальной науки" и венчали собой крайне напряженное переживание жизни в ее полноте и целостности. Эти высшие достижения существовали изолированно и обособленно, не будучи включенными в контекст научных знаний эпохи (Галилей, Эйнштейн, Маркс), и проходило зачастую очень много времени пока они обретали характер более или менее общепринятых и согласующихся с предшествующим опытом научного развития»¹⁵⁵. Таким образом, научное творчество может выступать как деятельность, отклоняющаяся не только от нормы нетворческого существования, но и от норм самого научного сообщества. Разумеется, то же самое относится и к художественному творчеству. Достаточно вспомнить восприятие новых художественных стилей, течений, направлений (импрессионизм, экспрессионизм, кубизм, абстракционизм и проч.) со стороны не только читателей, зрителей, слушателей, но и собратьев по искусству.

Социальное творчество и есть тот «ряд положительных отклонений», который обеспечивает развитие общественной системы. Реально социальное творчество осуществляется через деятельность людей, через индивидуальные творческие акты.

Творчество как создание чего-то нового принципиально не планируемо. Можно предвидеть «точки роста», предсказывать направления будущих открытий, но нельзя предугадать (а, следовательно, и планировать), кто,

¹⁵⁴ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975; Научное открытие и его восприятие. М.: Наука, 1971.

¹⁵⁵ Ионин Л.Г. Георг Зиммель – социолог. М.: Наука, 1981. С. 111-112.

когда, где и как создаст или откроет неизвестное. Весь опыт нашей истории свидетельствует о вреде жесткого планирования, заорганизованности, занормированности деятельности, приводящей к социальному склерозу и параличу. Хорошо, когда общество поддерживает творческую деятельность, финансируя ее, обеспечивая технически.

Творчество как позитивная девиантность служит *механизмом глобализации* в современном мире, порождая все ее достоинства и недостатки. А каково обратное воздействие – глобализации на творчество? С одной стороны, глобализация предъявляет *спрос* на новации и *позволяет* в кратчайшие сроки переносить результаты научного, технического, художественного творчества в любую точку земного шара. С другой стороны, способствуя творчеству «включенных» интенсифицируя их активность, глобализация практически отрезает «исключенных» от достижений экономического, технического, интеллектуального прогресса. И это противоречие – «включенные» все тотальнее включаются в современную жизнь, а «исключенные» все дальше отодвигаются на обочину, периферию социального бытия - возможно, является наиболее существенным и взрывоопасным конфликтом XXI века.

Интернационализация социального контроля над девиантностью

Глобализация многочисленных проявлений девиантности закономерно ведет к «глобализации» (интернационализации) средств и методов социального контроля над девиантностью.

Рассмотрим вопросы, связанные с отношением общества к девиантным проявлениям и реакцией на них. Возможно, это наиболее важная в практическом отношении проблема: каковы возможности общества,

государств, средств массовой информации по социальному контролю над девиантностью?

Понятие социального контроля

Возможно, что стремление к порядку является врожденным для человека. В широком, общенаучном смысле *порядок* есть определенность, закономерность расположения элементов системы и их взаимодействия друг с другом. Применительно к обществу под *порядком* понимается определенность, закономерность структурирования общества и взаимодействия его элементов (сообществ, классов, групп, институтов).

Социальный контроль – механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего – девиантного поведения.

Но это слишком общее определение, нуждающееся в комментариях.

Один из основных вопросов социологии: как и почему возможно существование и сохранения общества? Почему оно не распадается под воздействием борьбы различных, в том числе – антагонистических, интересов классов, групп?¹⁵⁶

Эпоха Просвещения и XIX в. были пронизаны верой и надеждой по поводу возможности успешного социального контроля и «порядка». Надо только прислушаться к советам просветителей, мнению ученых и немножко потрудиться над приведением реальности в соответствие с Разумом...

Правда, до сих пор остаются не совсем ясными несколько вопросов:

- что такое социальный «порядок», существуют ли объективные критерии его оценки? Для естественных наук – это, вероятно, уровень энтропии системы – ее (энтропии) уменьшение или не увеличение. А

¹⁵⁶ Тернер Дж. Структура социологической теории. Указ. соч. С. 27,70.

для социальных систем? Может быть, нам сможет помочь в ответе на этот вопрос синергетика?

- «Порядок» для кого? В чьих интересах? С чьей точки зрения?
- Возможно ли общество без «беспорядка»? Очевидно – нет. Организация и дезорганизация, «порядок» и «беспорядок» (хаос), «норма» и «девиации» - дополнительные (в боровском смысле). Напомним, что *девиации – необходимый механизм изменений, развития.*
- Как, какими средствами, какой ценой поддерживается «порядок» («новый порядок» А. Гитлера, гулаговский «порядок» И. Сталина, наведение «порядка» Америкой во Вьетнаме и Ираке, СССР – в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Россией – в Чечне)?

Вообще, «Порядок, скрепленный нашим культурным обучением, представляется чрезвычайно уязвимым и хрупким. Это лишь один из возможных порядков, и мы не можем быть уверены, что он самый правильный»¹⁵⁷.

Социальная практика XX века с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т.д., и т.п. – разрушила все иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Сумма преступлений, совершенных государствами – «столпами порядка», стократ превысила преступления одиночек. При этом государства – «спонсоры убийств» (N. Kressel) – не «раскаиваются» (может быть, за исключением Германии), а отрицают, отказываются от содеянного.

¹⁵⁷ Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С.166.

S. Cohen в статье «Права человека и преступления государств: Культура отказа»¹⁵⁸ называет три формы такого отказа (*denial*):

- отрицание прошлого (*denial of the past*). Так, на Западе появились публикации, объявляющие Холокост «мифом», отечественные сталинисты «мифом» называют ужас сталинских репрессий (впрочем, думские события в годовщину памяти Холокоста, когда многие наши избранники отказались почтить память жертв, свидетельствуют о том, что в этом вопросе мы «догоняем» Запад...);
- буквальный отказ (*literal denial*) – по формуле «мы ничего не знаем»;
- причастный отказ (*implicatory denial*) – по формуле «да, но...». Так, большинство военных преступников под давлением фактов признают: «да, было». И тут же следует «но»: был приказ, военная необходимость и т.п.

Неудивительно, что постмодернизм в социологии конца XX в., начиная с Ж.Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями. И хотя вероятно реалистически-скептический постмодернизм – как реакция на иллюзии прекраснородушного Просвещения – является столь же односторонним, сколь само Просвещение, однако некоторые соображения общенаучного характера (в частности, закон возрастания энтропии в системе) склоняют нас на сторону постмодернизма. «Победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»¹⁵⁹.

Это не исключает, разумеется, возможности и необходимости систем, прежде всего – биологических и социальных, противостоять дезорганизующим энтропийным процессам. Как писал отец кибернетики Н. Винер, «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком

¹⁵⁸ Cohen S. Human Rights and Crimes of the State: the Cultural of Denial. In: Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996. pp.489-507.

¹⁵⁹ Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С.192, 193.

дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы... Мы должны бежать со всей быстротой, на которую только способны, чтобы остаться на том месте, где однажды остановились»¹⁶⁰.

Итак, проблема социального контроля есть в значительной степени проблема социального порядка, сохранности общества как целого.

Существует различное понимание социального контроля. Выше мы привели наиболее общее его определение. В более узком смысле слова, *социальный контроль* представляет собой *совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные формы девиантного поведения с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации.*

Социальными *регуляторами* человеческого поведения служат выработанные обществом *ценности* (как выражение отношения человека к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объектов) и соответствующие им *нормы* (правовые, моральные, обычаи, традиции, мода и др.), т.е. правила, образцы, стандарты, эталоны поведения, устанавливаемые государством (право) или же формируемые в процессе совместной жизнедеятельности. Наиболее простой путь передачи правил (да и ценностей) – личный пример и подражание («делай как я»). Однако для сложных, «постпервобытных» обществ он недостаточен. Человечество выработало специфический способ формирования, сохранения и передачи (трансляции) ценностей и норм - посредством *знаков*. Наконец, накопление, хранение, передача информации посредством знаковых систем возможна лишь постольку, поскольку знакам придается *значение*, понятное тем, кто их воспринимает.

¹⁶⁰ Винер Н. Я – математик. М.: Наука, 1967. С.311.

Социальный контроль не ограничивается нормативным регулированием поведения людей, но включает также *реализацию* нормативных велений и ненормативное воздействие на поведение членов общества. Иначе говоря, к социальному контролю относятся *действия* по реализации предписаний (норм), меры *ответственности* лиц, нарушающих принятые нормы, а в некоторых государствах – тоталитарного типа – и лиц, не разделяющих провозглашаемые от имени общества ценности.

Основными *методами* социального контроля являются позитивные санкции - *поощрение* и негативные санкции - *наказание* («кнут и пряник», «*policy of threats and bribery*»).

К основным механизмам социального контроля относятся *внешний*, осуществляемый извне, различными социальными институтами, организациями (семья, школа, общественная организация, полиция) и их представителями с помощью санкций – позитивных (поощрения) и негативных (наказание), и *внутренний*, основанный на интернализованных (усвоенных, воспринятых как свои собственные) ценностях и нормах и выражаемый понятиями честь, совесть, достоинство, порядочность, стыд (нельзя, потому что стыдно, совесть не позволяет). К внешнему контролю относится и *косвенный*, связанный с общественным мнением, мнением референтной группы, с которой индивид себя идентифицирует (родители, друзья, коллеги). Классическую формулу косвенного контроля находим в «Горе от ума» А. Грибоедова: «Что скажет княгиня Марья Алексевна?!» (если, конечно, княгиня представляет вашу референтную группу).

Различают *формальный* контроль, осуществляемый специальными органами, организациями, учреждениями и их представителями в пределах должностных полномочий и в строго установленном порядке, и *неформальный* (например, косвенный), *карательный* (репрессивный) и *сдерживающий* (предупредительный, профилактический).

Хорошо известно, что *позитивные санкции (поощрение) значительно эффективнее негативных (наказания), а внутренний контроль намного эффективнее внешнего*. К сожалению, человечество, зная это, чаще прибегает к внешнему контролю и репрессивным методам. Считается, что это «проще» и «надежнее». Отрицательные последствия «простых решений» не заставляют себя долго ждать...

В целом *социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике, превенции) нежелательных форм поведения*.

Реальное осуществление социального контроля над девиантностью существенно зависит от *власти*, формы правления, политического режима в стране¹⁶¹. Неслучайно еще Гегель полагал, что формы контроля над преступностью «даже в большей степени характеризуют данное общество, чем сама преступность»¹⁶². Теоретическое, основанное на огромном историческом материале, исследование роли власти и политических структур в социальном контроле над девиантным поведением было осуществлено *М. Фуко (1926-1984)*¹⁶³. Современные меры социального контроля и, прежде всего, тюрьма - результат всеохватывающей дисциплинарной власти капиталистического общества, стремящегося к созданию «дисциплинарного индивида». Эта власть проявляется не только в тюрьме, но и в казарме, психиатрической больнице, за фабричными стенами, в школьном помещении. Для дисциплинарной власти характерны иерархический надзор (системное

¹⁶¹ Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39-65.

¹⁶² Гегель. Философия права. М., 1986. С.256.

¹⁶³ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999; Он же. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997; Он же. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистерium, 1996.

наблюдение, постоянный контроль), позитивные и негативные санкции, испытания (экзамены, смотры, тренировки, инспекции и т.п.). Цель дисциплинарного контроля – формирование «податливых тел», а его символ – тюрьма. Но тогда все общество «начинает приобретать сильное сходство с тюрьмой, где все мы одновременно и охранники, и заключенные»¹⁶⁴.

С этим перекликается труд нашего современника и соотечественника А.Н. Олейника «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти»¹⁶⁵, в котором автор, в результате эмпирических исследований и кропотливого анализа, сравнивает Россию, как «маленькое общество» (в отличие от «большого общества» - цивилизованного) с тюрьмой. Не могу удержаться от обширной цитаты: «Тенденция к воспроизводству "маленького общества" и незавершенный характер модернизации – таковы основные факторы, определяющие постсоветский институциональный контекст... Государство сознательно пресекает всякие попытки оформления коллективного субъекта, способствуя, таким образом, образованию пустыни между повседневной жизнью групп "своих" и властью... И здесь не важно, какую конкретную форму принимает группа "своих": номенклатуры, семьи президента или выходцев из КГБ... Приватизация общественного пространства группами "своих", не важно, находящихся у кормила власти или нет, означает смерть еще до рождения гражданского общества... Группа "своих" стремится приватизировать и материальные ресурсы, к которым имеют доступ ее члены... Постсоветские люди с ненавистью относятся к государству, потому что оно воспроизводит логику группы "своих" и поэтому рассматривает граждан как "чужих". Но в то же время постсоветские люди неспособны избавиться от *такого* государства, в котором материализуется их собственный образ жизни, их собственные взгляды и поведение»¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. М.: Весь Мир, 1995. С.63.

¹⁶⁵ Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.

¹⁶⁶ Олейник А.Н. Указ. соч. С. 364-370.

Но вернемся к Фуко. Один из его выводов – все тонкости механизма власти и социального контроля с использованием «коварной мягкости, неявных колкостей, мелких хитростей, рассчитанных методов, техник» направлены на одну цель – создание «дисциплинарного индивида»¹⁶⁷. Ясно, что формирование стандартного «дисциплинарного индивида», не создающего проблем для власти – задача, прежде всего, тоталитарного (да, и авторитарного) режима. Думается, Фуко не случайно упоминал коварную мягкость, мелкие хитрости и т.п. Чем менее демократичен, менее либерален режим, чем он более авторитарен и тоталитарен, тем большую демагогию он использует для прикрытия своих истинных целей, намерений и действий.

Социальные практики

Человечество перепробовало все возможные средства воздействия на девиантов, а их количество все возрастает, репертуар девиантных поступков все расширяется. Рассмотрим, неизбежно кратко, реальность социального контроля над девиантными проявлениями.

«Кризис наказания»

Понадобились тысячелетия государственного насилия над «девиантами», чтобы во второй половине XX столетия осознать «кризис наказания» - неспособность привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных, санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления¹⁶⁸. Благодаря переведенным на русский язык трудам известного норвежского криминолога Нильса Кристи, мы можем подробнее ознакомиться с проблемой¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. соч. С. 455.

¹⁶⁸ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; и др.

¹⁶⁹ Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985; Он же. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГ'у западного образца. М., 2001; Он же. Ответ насилию. В поисках чудовищ. М., 2003; Он же. Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006.

«Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что - как мы уже отмечали, - после Второй мировой войны во всем мире наблюдается рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции¹⁷⁰ (так, например, в России за два столетия – XIX-XX вв. – уровень рецидива составлял 15-20% в царской России и 20-28% в советский и постсоветский периоды). В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5-6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека¹⁷¹. Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М.Н. Гернет¹⁷². *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.*

Постепенно «кризис наказания» осознается даже в странах с традиционно репрессивным характером социального контроля. Так, одиннадцатая рекомендация Национальной комиссии США по уголовной юстиции предлагает «изменить повестку дня уголовной юстиции от "войны" к "миру"»¹⁷³.

Смертная казнь

В течение столетий смертная казнь была распространенным, если не преобладающим, «средством» социального контроля над преступностью и

¹⁷⁰ Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo/London, 1974.

¹⁷¹ Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С.40-50; Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; Он же. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.

¹⁷² Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юр. Издат Украины, 1930.

¹⁷³ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publication, Inc., 1996. p.218.

иными формами девиантности¹⁷⁴. И сегодня, когда в большинстве стран смертная казнь отменена, продолжаются активные дискуссии по поводу ее применимости¹⁷⁵. Вместе с тем, в данном случае позитивное влияние глобализации средств социального контроля налицо: постоянно сокращается количество стран, сохраняющих смертную казнь в системе наказаний. Так, к 2000 г. в 76 странах смертная казнь была полностью отменена, в 11 странах – отменена в мирное время, в 36 странах фактически не применяется, а сохранялась – в 71 стране¹⁷⁶. Есть надежда, что этот позорный институт рано или поздно прекратит свое существование и в других странах.

Каждый социальный институт осуществляет определенные *функции* - явные и латентные. Явные, прокламируемые функции смертной казни - борьба с преступностью, предупреждение тяжких преступлений, справедливое воздаяние, обеспечение защиты населения и т.п. Однако давно уже известно, что ни уголовная юстиция, ни наказание и пенитенциарные учреждения, ни, тем более, смертная казнь не в состоянии выполнить прокламируемые функции (разве что «воздаяние», т.е. месть, недопустимая в праве). Институты уголовной юстиции и наказания существуют лишь постольку, поскольку общество не знает, что реально предпринять для сокращения или сдерживания преступности.

Что касается латентных, скрытых функций смертной казни, то это - месть, средство расправы и устрашения, символ всевластия власти, монополии власти на жизнь и смерть граждан (на войне, или по приговору суда, или в порядке внесудебной расправы).

Функции государства подвижны. К сожалению, наблюдается тенденция реального сокращения явных функций и возрастание роли латентных. Так, один из крупнейших социологов современности Н. Луман пишет: «В начале

¹⁷⁴ Подробнее см.: Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: ГИЮЛ, 1957.

¹⁷⁵ См., например, дискуссию в: Криминология: Вчера, сегодня, завтра. 2002. № 3 (4).

¹⁷⁶ Hood R. Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society. The International Journal of Penology. Vol. 3. N3. July 2001. pp.331-354. См. также: Hood R. The Death Penalty. A World-wide Perspective. Oxford: Clarendon Press, 1996.

современной государственности главной целью ее создания был контроль за применением физического насилия на определенной территории. Насилие являлось прежде всего правовой проблемой... Вместе с тем, сегодня видно,... что эти учреждения (государственности - Я.Г.) больше не легитимируют сами себя. "Дух" покинул их»¹⁷⁷.

Латентные функции власти перестали быть тайными после ленинско-сталинских и гитлеровских концлагерей, после Холокоста и Освенцима. Постмодернизм, начиная с М. Фуко, утверждает, что власть разлита по всему социальному пространству. В результате «насилие встроено в систему», «право поражено насилием, постольку его собственное обоснование можно свести не к праву, а лишь к насильственно осуществляемой несправедливости легитимируемой впоследствии в качестве права»¹⁷⁸. Но если право в целом есть насильственно осуществляемая несправедливость, то что говорить о смертной казни, как крайней мере правовой несправедливости, посягающей на неотъемлемое право человека на жизнь?

К сожалению, советская и постсоветская Россия в течение длительного периода времени относилась к числу стран (наряду с Китаем, Ираком, Ираном, Нигерией, Сингапуром) с самыми высокими показателями осуждения к смертной казни и ее применения. И сейчас все чаще слышны призывы к отмене моратория на смертную казнь, существующего с 1997 г.

Лишение свободы

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над девиантностью вообще, преступностью в частности, более того – негативных последствий такого распространенного вида наказания как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера.

¹⁷⁷ Луман Н. Метаморфозы государства: Эссе // Проблемы теоретической социологии. Вып.2. СПб., 1996. С. 116, 127.

¹⁷⁸ Бекер Д. Понятие системного насилия // Проблемы теоретической социологии. СПб, 1994. С. 60 ,68.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни - недопустимой в цивилизованном обществе¹⁷⁹ - лишение свободы становится «высшей мерой», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении насильственных преступлений и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников. Так, в 1984-1987 гг. в Англии и Уэльсе, а также в Швеции из общего числа осужденных к лишению свободы приговаривалось около 20% (правда в Англии и Уэльсе эта доля несколько увеличилась к 1996 г.¹⁸⁰), а к штрафу – почти половина осужденных. В Германии в середине 90-х гг. доля приговоренных к реальному (безусловному) лишению свободы составила лишь 11,5% от общего числа осужденных, тогда как штраф – 83,4%¹⁸¹. В Японии в течение 1978-1982 гг. к лишению свободы приговаривались лишь 3,5% осужденных, к штрафу же – свыше 95%. Это вполне продуманная политика, ибо «в результате этого не происходит стигматизация лиц, совершивших преступные деяния, как преступников. Смягчаются сложности ресоциализации преступников после их чрезмерной изоляции от общества и таким образом вносится значительный вклад в предупреждение рецидива»¹⁸².

Расширяется применение иных – альтернативных лишению свободы – мер наказания (ограничение свободы, в том числе, с применением электронного слежения; общественные работы; «комбинированный приказ» в Англии и Уэльсе – сочетание общественных работ с пробацией)¹⁸³.

В России к реальному лишению свободы (не считая условного осуждения) приговаривались в течение 1986-2005 гг. от 30,9% всех осужденных в 2001 г. до 39,5% в 1994 г.

¹⁷⁹ Наличие смертной казни и огромного тюремного населения (первое-второе место в мире с Россией) в США не позволяет мне относить их к цивилизованным странам, да простят меня американские граждане.

¹⁸⁰ Information on the criminal justice system in England and Wales. Digest. Home Office, 1999. No4. p. 50.

¹⁸¹ Strafrechtspflege in Deutschland: Fakten und Zahlen. Bonn: Bundesministerium für Justiz, 1996. S.30.

¹⁸² Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989. С.98, 176-177.

¹⁸³ См., например: Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон-М., 1996; Clear T., Terry K. Correction Beyond Prison Walls. In: Sheley J. Criminology. Ibid. pp.517-538; Electronic Monitoring: The Trials and their Results. L., Home Office. 1990; Junger-Tas, J. Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments. Amsterdam, NY, 1994.

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Во всяком случае – до 2-3 лет, т.е. до наступления необратимых изменений психики. Так, в середине 90-х гг. в Германии осуждались на срок до 6 месяцев 21% всех осужденных к лишению свободы, на срок от 6 до 12 месяцев – еще 26% (т.е. всего на срок до 1 года – около половины всех приговоренных к тюремному заключению). На срок от 1 до 2 лет были приговорены 38,5% осужденных. Таким образом, в отношении 85,5% всех осужденных к лишению свободы срок наказания не превышал 2-х лет, на срок же свыше 5 лет были приговорены всего 1,2%¹⁸⁴. В Швеции до 80% осужденных к лишению свободы приговариваются на срок до 6 месяцев. В Японии в 1994 г. из общего числа приговоренных к лишению свободы на срок до 1 года - 17,3%, до 3 лет – 68,8%, а свыше 5 лет – 1,3%¹⁸⁵.

В сентябре 2005 г. в местах лишения свободы находились лица, осужденные: на срок **до 1 года** – в России - **1,2%**, в Австрии – 23,5%, в Дании – 42,1%, во Франции – 27,7%, в Нидерландах – 44,4%, в Норвегии – 42,7%; на срок от 1 до 3 лет – в России 22%, в Австрии – 37,4%, в Дании – 27,8%, во Франции – 22,9%, в Нидерландах – 23,6%, в Норвегии – 27,4%; на срок от 3 до 10 лет – в России – **62%**, в Австрии – 28,7%, в Дании – 23,0%, во Франции – 26,4%, в Нидерландах – 23,7%, в Норвегии – 22,6%; на срок свыше 10 лет (включая пожизненное заключение) – Россия – 14,8%, в Австрии – 10,5%, в Дании – 8,0%, во Франции – 19,3%, в Нидерландах – 5,0%, в Норвегии – 7,3%. Итак, в России свыше **76,8%** осуждаются на срок выше 3 лет (в Нидерландах, например, - 24,2%)¹⁸⁶.

Интересно, что в 1926 г., когда советская власть еще рядилась в демократические одежды, доля осужденных на срок до 1 года составила 84,2%, а свыше 5 лет – всего 1,8%.

¹⁸⁴ Strafrechtspflege in Deutschland, ibid. S.32.

¹⁸⁵ Summary of the White Paper on Crime. Government of Japan. Research and Training Institute Ministry of Justice, 1996. p.64.

¹⁸⁶ Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics). Survey 2005. Strasbourg, 2007.

В-третьих, условия и режим отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях не должны унижать человеческое достоинство, подвергать заключенных дополнительным к *лишению свободы* тяготам. Поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания, постольку в современных цивилизованных государствах - в соответствии с «Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными» (приняты Генеральной Ассамблеей ООН в 1955 г.) - поддерживается по возможности достойный уровень существования заключенных (нормальное питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, медицинское обслуживание, возможность работать, учиться, заниматься спортом, встречаться с родными и близкими), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т.п.

В тюрьме г. Турку (Финляндия) директор с гордостью рассказал мне, что «для сохранения чувства собственного достоинства» заключенных им дают ключи от камеры. Уходя из камеры, заключенный закрывает на ключ «свое помещение», а, приходя – открывает его. А директор Дублинской тюрьмы (Ирландия) долго не мог понять мой вопрос: «сколько человек находится в одной камере»? «Конечно же, один осужденный!», ответил он мне. Открытые днем камеры в тюрьмах Фрайбурга (Германия) и Хельсинки меня уже не удивляли, также как группа заключенных – петербуржцев, готовящих праздничный торт на кухне в своем блоке. Справедливости ради следует заметить, что американские и южно-корейские тюрьмы немногим лучше наших.

Об ужасных условиях содержания подследственных в российских следственных изоляторах (СИЗО) и заключенных в колониях и тюрьмах написано более чем достаточно. Но чем больше людей мы «сажаем», чем бесчеловечнее условия отбывания наказания, тем больше озлобленных, с

нарушенной психикой, приобретших или повысивших свой криминальный профессионализм людей получаем «на выходе». В мире поняли, что *именно общество прежде всего заинтересовано в гуманной юстиции и пенитенциарной системе.*

Направляя в тюрьмы все больше и больше людей, мы ведь рано или поздно получаем их «назад» - с «их» нравами, языком, образом жизни. Но тогда и с обществом, со всеми нами происходит то, что зарубежная криминология давно окрестила «призонизацией» («оттюремвлением» - от англ. *Prison* – тюрьма) повседневного быта, культуры, языка. Мы это ежедневно наблюдаем в транспорте, на улицах, слышим с экранов телевизоров... Тюрьма давно вошла в наш быт, нашу культуру своей «блатной» частью. Добавим к этому, что пенитенциарные учреждения наряду с безработицей, бездомностью, незанятостью подростков и молодежи множат ряды «исключенных» (*exclusive*) – основной социальный резерв преступности, пьянства, наркотизма, проституции, самоубийств.

Хорошо известно, что Россия и США прочно занимают первые места в мире по уровню заключенных - лиц, находящихся в местах лишения свободы (в расчете на 100 тыс. населения), оторвавшись по этому прискорбному показателю от остального мира. При этом оба «чемпиона» поочередно занимают то первое, то второе место, как будто соревнуясь между собой.

Так, уровень заключенных на 100 тыс. человек населения в **1992** г. был в России – 520,2; в США – 518,9, в **1994** г. в России – 580,2 в США – 553,9. В те же годы высокий уровень заключенных был только в странах бывшего СССР – в Белоруссии – 314; 477, в Латвии – 313; 359, в Украине – 345, в Киргизии – 216; 299, в Эстонии – 292; 293 и т.д. Однако в течение 2006-2007 гг. Россия вновь стремится обогнать США по этому страшному индикатору¹⁸⁷ ...

¹⁸⁷ Гилинский Я. Догоним и перегоним Америку? // Неволя, 2007, №13. С.26-30.

Сравнительные данные динамики уровня заключенных представлены в табл. 5¹⁸⁸.

Мы видим, во-первых, что в большинстве стран прослеживается тенденция к росту тюремного населения. Очевидно, это дало основание Н. Кристи задать вопрос: «Вперед к ГУЛАГ'у западного образца?». К сожалению, это реакция на популистски раздуваемый все возрастающий страх населения, прежде всего «среднего класса», перед преступностью, «мафией». Во-вторых, Россия и США упорно сражаются за 1-2 место в этом позорном списке. Кстати говоря, это вторая причина, наряду с сохранением смертной казни, по которой я не могу отнести США ко вполне цивилизованным странам...

¹⁸⁸ Источники: Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999, pp.318-319; Barclay G., Tavares C., Siddique A. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin, 2001 May, Issue 6/01, p.7; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office, 2003 October, Issue 12/03, p. 7; Aebi M., Stadnic N. Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics) Survey 2005. Strasbourg, 2007, p.19.

Таблица 5.

Уровень заключенных (на 100 000 населения) в некоторых странах

	1990	1992	1994	1999	2000	2001	2005
Австралия	83	88	94	108	113	116	-
Австрия	90	95	92	85	84	87	107
Англия с Уэльсом	88	89	95	125	124	129	143
Бельгия	59	71	74	80	83	83	90
Болгария	125	-	110	-	-	116	158
Венгрия	119	154	124	161	157	171	162
Германия	-	-	-	97	97	85	96
Дания	62	64	67	66	61	58	76
Испания	-	-	-	111	114	116	142
Италия	45	84	89	89	94	96	102
Канада	111	113	118	123	123	101	-
Колумбия	99	82	85	-	-	-	-
Латвия	320	-	375	-	-	370	313
Литва	230	-	360	-	257	273	233
Мексика	108	96	93	-	-	-	-
Нидерланды	46	49	57	84	87	94	134
Норвегия	-	-	-	56	56	58	67
Польша	120	-	160	142	170	207	216
Россия	470	520	580	729	729	673	577
США	465	519	554	682	685	689	-
Финляндия	68	69	62	46	56	60	73
Франция	-	-	-	91	80	77	92
Чехия	80	-	190	224	208	188	186
Швеция	61	63	70	111	64	69	78
Эстония	220	-	270	303	325	351	327
ЮАР	-	-	-	327	385	411	-
Япония	38	36	37	43	47	50	-

Цивилизованный мир переходит к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Между тем, российские суды разучились назначать эти «иные меры». Так, если в 1986-1991 гг. к исправительным работам приговаривались 22-26% осужденных, то в 1998-2006 гг. – 4,8 – 5,2%. К штрафу приговаривались в 1986-1987 гг. – 16-17% осужденных, в 1998-2003 гг. – 5,5-6,5%,. И только в 2004-2006 гг. доля штрафов увеличилась до 9,9-10,8%. В результате, если к лишению свободы (включая условное) в 1986 г. было приговорено 49,2% всех осужденных, то в 2005 г. к реальному и условному лишению свободы суды приговорили 83,2% осужденных, в 2006 г. – 81,0%. И это в то время, когда в странах Западной Европы к лишению свободы приговаривается не более 20-40% осужденных, а в Японии – 3-5%...

Но если от лишения свободы как меры наказания постепенно отказываются даже применительно к лицам, совершившим преступления, то тем более недопустимы репрессивные меры воздействия по отношению к тем, кто совершал «преступления без жертв» (Э. Шур) - лицам, страдающим зависимостью от наркотиков или алкоголя, проституткам, бродягам и т.п.

Я надеялся, что со времени горбачевской перестройки нам уже не грозят рецидивы тяжелой болезни «борьбы с аморальным поведением» силами полиции и государства. К сожалению, последнее время российские законодатели стремятся криминализировать и соответственно пенализировать все больше моральных проступков.

Выход из кризиса?

Нам представляется, что современное человечество не готово к *принципиальному* решению проблем социального контроля над девиантностью. Слишком они сложны. Слишком тяжел груз прошлого, привычного. Слишком велики надежды на «запретить» и «наказать». Слишком много уверенности в абсолютной правоте «нас» (включенных,

inclusive) и «криминальности», «аморальности», «девиантности» «их» (чужих, исключенных, *exclusive*).

Однако постепенное прозрение, постепенное понимание неэффективности привычных, традиционных форм социального контроля, основанных на ограничениях, запретах, репрессиях, порождают надежды на различные новации в этой сфере. Рассмотрим лишь некоторые подходы, обозначившиеся в мировой и отечественной теории и практике совершенствования социального контроля над девиантностью.

Community policing

Первыми, кто сталкивается с различными девиациями – от семейных конфликтов и озорства подростков до тяжких преступлений – это полиция (милиция).

Мы привыкли к тому, что «у нас» существует *милиция* (и «моя милиция меня бережет»), а *полиция* – «у них», за рубежом, в «капиталистических странах». В действительности, милиция – это вооруженные группы населения, обычно создаваемые для самообороны граждан, для поддержания правопорядка в неординарных случаях: мятежи, восстания, гражданские войны, чрезвычайные ситуации. Поэтому после Октября 1917 г. некоторое время наша милиция вполне соответствовала своему названию. Но позднее, когда была создана соответствующая *профессиональная* государственная служба, старое название сохранилось, очевидно, лишь для того, чтобы подчеркнуть отличие *нашей* милиции от *их* полиции. В действительности же российская милиция давно уже (свыше 80 лет) суть полиция – по своим функциям, организации, профессиональным кадрам, униформе и т.д., и надо полагать в недалеком будущем приобретет свое подлинное имя.

Взаимоотношения власти и населения, полиции и населения – многовековая и мировая проблема. Она обострилась после Второй мировой

войны в связи с фиксируемым во всем мире ростом зарегистрированной преступности, «страхом перед преступностью» и «моральной паникой»¹⁸⁹.

В развитых современных странах идет поиск путей совершенствования взаимодействия, партнерства между населением и полицией в целях повышения защищенности граждан, эффективности правоохранительной деятельности, минимизации незаконных действий полицейских. Одна из активно развиваемых стратегий – «*Community policing*»¹⁹⁰. Ее суть: формирование и развитие *партнерских* отношений между полицией и комьюнити – общиной, ее институтами; организация «соседского контроля» (*neighbourhood-watch*) при консультативной помощи полиции. *Важнейшая идеологема: сервисное обслуживание населения полицией. Полиция служит населению, обеспечивая безопасность каждого налогоплательщика.* Основная функция полиции – защита населения, каждого жителя страны от преступных посягательств, защита законных прав и интересов граждан. Кстати говоря, это записано в качестве главной задачи в ст. 1 Закона РФ «О милиции».

Проблема взаимоотношений полиции (милиции) и населения особенно остро стоит в современной России. Это объясняется незащищенностью населения от преступности и иных незаконных посягательств; неэффективностью деятельности органов милиции по защите граждан, их законных интересов; коррумпированностью милиции (наряду с тотальной коррумпированностью всех властных структур и правоохранительных органов); противоправными действиями сотрудников милиции в отношении граждан, включая пытки¹⁹¹. Причины сложившейся ситуации: многовековая традиция репрессивной функции российского государства и его органов по отношению к подданным; многовековая традиция коррумпированности

¹⁸⁹ Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics*. St. Albans, Paladin, 1973.

¹⁹⁰ Fehérváry J., Stangl W. (Hg.) *Polizei zwischen Europa und den Regionen*. Wien: WUV-Universitätsverlag, 2001; Kury H. (Hrsg.) *Konzepte Kommunaler Kriminalprävention*. Freiburg, Edition Iuscrim, 1997; Skogan W., Hartnett S. *Community Policing, Chicago Style*. Oxford University Press, 1997; Lab S., Das D. (Eds.) *International Perspectives on Community Policing and Crime Prevention*. Prentice Hall. Upper Saddle River, New Jersey, 2003.

¹⁹¹ Результаты наших эмпирических исследований пыток в России см.: Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007.

органов власти, управления, юстиции в России; состояние аномии (Э. Дюркгейм) как результат коренных социально-экономических преобразований; недопустимо низкая оплата труда сотрудников милиции (что не оправдывает взяточничества, но отчасти объясняет его) и ряд других обстоятельств.

В условиях отечественного псевдокапитализма с лозунгами «Обогащайтесь!» и «Все на продажу!», при колоссальном разрыве материального уровня узкого слоя сверхбогатых и массы нищего населения, мизерной оплате труда сотрудников милиции (вариант древнерусского «кормления»?) последние вынуждены решать свои материальные проблемы тремя возможными путями: уход из милиции в коммерческие структуры, включая охранные предприятия; нелегальное «совместительство» в коммерческих структурах; откровенное взяточничество.

Исследование *коммерциализации* российской полиции было проведено Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН) в 2000-2002 г., результаты доложены и обсуждены на семинаре, состоявшемся 13-14 февраля 2003 г. в Москве и изложены в ряде публикаций¹⁹². Сотрудники милиции подрабатывают как в виде законной деятельности (охранная, преподавательская, научная), так и – в значительно больших масштабах – в результате незаконной деятельности вообще или для работников правоохранительных органов (взятки, частные заказы, предпринимательская деятельность, «малый бизнес», частный извоз и др.). В итоге «общий доход, получаемый правоохранительными органами, скорее всего, существенно больше, чем платит государство» (Л. Косалс). Это еще один довод в пользу утверждения о фактически развитой в России феодальной системе «кормления», когда государство оплачивает труд «бюджетников» *заведомо ниже приемлемого уровня существования*. Между тем, «активная занятость работников милиции коммерческой деятельностью

¹⁹² Коленникова О., Косалс Л., Рывкина Р., Симагин Ю. Экономическая активность работников правоохранительных органов постсоветской России: Виды, масштабы и влияние на общество (на примере милиции). М., 2002.

переориентировала милицию как социальный институт с оказания правоохранительных услуг жителям страны на оказание тех услуг, которые могут быть оплачены. Перегрузка милиционеров как минимум ведет к формальному выполнению ими своих служебных обязанностей, а как максимум – к невыполнению» (О. Коленникова).

Милиция поражена *коррупцией*. Так, по данным исследований Фонда ИНДЕМ, правоохранительные органы занимают четвертое место из 29 структур по степени коррумпированности. «Идет вытеснение милицией криминальных группировок, служащих "крышами" малому и среднему бизнесу, с последующим присвоением себе этих функций вместе с соответствующими доходами»¹⁹³.

Не будем лукавить: применение полицейскими физического «воздействия» в отношении задержанных, арестованных, обвиняемых встречается во всем мире. Но в цивилизованных странах такие факты носят ограниченный характер как по частоте, так и по применяемым мерам, а в случае их огласки служат предметом серьезного разбирательства и наказания виновных – от увольнения из полиции до уголовного преследования. В России побои, избиение – обыденное явление, нередко и применение пыток. Об этом свидетельствуют рассказы жертв милицейского насилия, многочисленные публикации в прессе, сообщения правозащитных организаций, результаты национальных и международных расследований¹⁹⁴.

Пытки систематизированы и описаны: «слоник», «растяжка», «распятие», «ласточка», «конвертик»¹⁹⁵. Их частота, привычность (если к такому можно привыкнуть!), системность породили рубрику «Пытки как будни России» в бывшей «Общей Газете» Егора Яковлева. К числу необходимых реформ известный судья, заслуженный юрист РСФСР С. Пашин относит «прекращение пыток задержанных в "правоохранительных

¹⁹³ Сатаров Г. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М.: ИНДЕМ, 2002. С. 7,13.

¹⁹⁴ См., например: Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон: Международная амнистия, апрель 1997.

¹⁹⁵ См., например: К праву. Информационный бюллетень Общественного Центра содействия реформе уголовного правосудия. №5, 1998.

органах" как социального явления»¹⁹⁶. У нас «вся страна превращается в пыточную камеру», отмечает в 2002 г. председатель подкомитета по правам человека Государственной Думы¹⁹⁷. При этом Госдума отказалась рассматривать законопроект об ответственности за пытки.

Поводом для применения пыток чаще всего служит «выбивание» признания в совершении преступления (часто – у невиновного), недовольство «запираемым» подозреваемым, а то и без всяких «причин»¹⁹⁸. О побоях и говорить нечего – сперва отбить почки, сломать ребра, а потом уже выяснять – у кого и за что... Объектом насилия может стать каждый: в печать просачивались сведения об избиении и причинении увечья аспирантам МГУ, профессору, офицеру-подводнику и даже – не разобравшись – своему коллеге, оказавшемуся в штатском...

Каковы источники преступного насилия со стороны сотрудников милиции? Их много, в том числе:

- тяжелое наследие царской полиции (с известной «зуботычиной») и советского репрессивного тоталитарного режима, олицетворением которого были страшные НКВД и ГУЛАГ;
- требования «сверху» максимальной «раскрываемости» преступлений любой ценой (справедливости ради следует заметить, что бывший министр внутренних дел Б. Грызлов летом 2001 г. призвал отказаться от этого «показателя» работы милиции, но принципиальных изменений в правоохранительной деятельности пока не наблюдается);
- «репрессивный» менталитет законодателей (действующий Уголовный кодекс РФ 1996 г. – самый жестокий по санкциям за весь XX век), исполнительной власти, работников милиции, прокуратуры, суда;

¹⁹⁶ Пашин С. Черная неправда УПК // Terra Incognita. №3-4, 2001. С.15.

¹⁹⁷ Рыбаков Ю. Куда идем... // Terra Incognita. № 1, 2002. С.4.

¹⁹⁸ Результаты эмпирического исследования (под руководством автора) распространенности пыток в пяти регионах России см.: Гилинский Я. Социология о пытках в современной России // Неволя, 2006. №10. С.19-31; Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007.

- утрата милицией за годы реформ многих высококвалифицированных сотрудников (в частности, из-за крайне низкой оплаты нелегкого труда), утрата профессионализма, «восполняемая» побоями и пытками;
- «опыт» Афганистана и Чечни;
- полная безнаказанность за творимый произвол.

Restorative justice

Одним из направлений сокращения пределов уголовной юстиции и уголовного наказания служит идея восстановительной юстиции (*restorative justice*) в отличие от существующей «возмездной» юстиции (*retributive justice*). Суть восстановительной юстиции заключается в добровольном, с помощью незаинтересованного посредника, примирении преступника и жертвы на условиях возмещения ей вреда¹⁹⁹. Предполагается, что потерпевший может быть больше заинтересован в восстановлении нарушенного права, в возмещении понесенных потерь, нежели в мести преступнику. А последний скорее заинтересован избежать уголовного суда и соответствующего наказания путем добровольного возмещения ущерба, причиненного им жертве. Ясно, что восстановительное правосудие на первоначальном этапе применимо преимущественно к имущественным преступлениям (против собственности).

Возможно, идея примирительного производства восходит к традиционным обществам, где сильны общинные формы социального контроля, когда многие конфликты, включая то, что в современном обществе квалифицируется как преступление, решаются на сходах или старейшинами (при посредничестве старейшин). Может быть, именно поэтому показатели многих видов преступности самые низкие в национальных субъектах Российской Федерации на Северном Кавказе.

¹⁹⁹ Подробнее см.: Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998; Considine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Lyttelton (New Zealand): Ploughshares Publications, 1993.

Очевидно по этой же причине восстановительная юстиция активно развивается в Австралии и Новой Зеландии, где еще не исчезли традиции аборигенов.

Идеи восстановительной юстиции активно обсуждаются и внедряются на практике за рубежом. Первые шаги делаются в России²⁰⁰. Первоначальной правовой базой развития ресторативной юстиции могут стать ст.76 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) и ст.25 УПК РФ (прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон). Однако необходима более тщательная правовая регламентация различных вариантов примирительного производства в рамках восстановительной (не уголовной!) юстиции.

Помимо собственно восстановительной юстиции существуют многочисленные институты альтернативных лишению свободы мер социального контроля («субтюремные меры»), включая электронное наблюдение и домашний электронный арест²⁰¹.

Ювенальная юстиция

Девиантность подростков широко распространена в различных формах: правонарушения, преступления, потребление наркотиков, злоупотребление алкоголем, вандализм, правый и левый экстремизм, проституция и др. При этом подростки особенно чувствительны к санкциям – как позитивным, так и негативным. Они благодарны ласке, поощрениям, гордятся достижениями, но ранимы в случае наказания, тем более - несправедливого. Стигматизация явно вредна и может осуществляться лишь в крайних случаях (совершение тяжкого преступления, многочисленные правонарушения). Если «преступления без жертв» - потребление наркотиков, алкоголя, занятие проституцией, добровольный гомосексуализм – вообще не должны быть

²⁰⁰ Восстановительное правосудие в России: технология взаимодействия общества и государства. М.: Судебно-правовая реформа, 2001; Восстановительное правосудие, ресоциализация и городская политика. М.: Судебно-правовая реформа, 2002; Вестник восстановительной юстиции. Вып. 1, 2000; Вып.2, 2001; Restorative Justice: The Old Civilization in the New Russia. Moscow, 2001.

²⁰¹ Криминология / ред. Дж. Шели. Указ. соч. С.575-600.

криминализованы, то тем более недопустимы негативные санкции за такие виды девиантности подростков. Они нуждаются в получении психологической, медицинской, социальной помощи.

В Преамбуле «Правил правосудия в отношении несовершеннолетних» («Пекинские правила», утвержденные Ассамблеей ООН) говорится: «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения». Согласно ст. 1 Конвенции о правах ребенка, таковым считаются лица в возрасте до 18 лет.

Особенно негативные последствия влечет наказание в виде лишения свободы. Вот почему во многих европейских странах эта мера не может применяться в отношении несовершеннолетних. Все это приводит к необходимости создания специальных институтов и процедур для расследования и рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних. Российское законодательство предусматривают особый порядок расследования и рассмотрения уголовных дел по обвинению несовершеннолетних (ст.ст.420-432 УПК РФ), особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, возможность применения к ним принудительных мер воспитательного характера (ст.87-96 УК РФ). Однако отсутствие специализированных органов расследования и рассмотрения дел несовершеннолетних, социального (педагогического, психологического) сопровождения не могут обеспечить в полной мере права подростков с учетом возрастных особенностей. Отсюда – идея создания системы ювенальной юстиции²⁰².

В узком понимании ювенальная юстиция сводится к системе специальных (ювенальных) судов, которые рассматривают только дела по обвинению несовершеннолетних. Соответственно предполагается специализация судей, их психологическая и педагогическая подготовка,

²⁰² Подробнее см.: Основы ювенологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / ред. Е. Случкий. СПб., 2002; Bartollas C. Juvenile Delinquency. Fourth Edition. Allyn and Bacon, 1997. pp.356-389.

участие в процессе профессиональных психологов и/или педагогов. В *широком* смысле ювенальная юстиция – система расследования, рассмотрения уголовных дел и исполнения приговоров в отношении несовершеннолетних. Это означает, что как только в качестве подозреваемого возникает фигура несовершеннолетнего, так все производство по делу – дознание, следствие, судебное разбирательство, исполнение приговора – осуществляются специализированными органами и должностными лицами. При этом обязательно участие адвоката и сопровождение социальным работником. Реализация системы ювенальной юстиции в широком смысле предполагает принятие соответствующих законодательных актов и формирование органов, осуществляющих всю процессуальную деятельность в отношении несовершеннолетнего. Возможны, конечно, и промежуточные, компромиссные варианты. Например, суды по делам несовершеннолетних и обязательное сопровождение со стороны социальных работников, включая процесс отбывания наказания²⁰³.

В России первые ювенальные суды были созданы еще в 1910 г. – сперва в Москве, затем в Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе, Харькове. В 1917 г. Временное правительство подготовило законопроект о введении таких судов по всей России, но Октябрь 1917 г. прервал этот процесс. Определенные шаги в направлении создания ювенальной юстиции предприняты и в современной России. В Концепции судебной реформы 1991 г. предполагалось создание в стране ювенальных судов. В Законе о судебной системе РФ предусмотрена возможность создания федеральных специализированных судов. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам несовершеннолетних»

²⁰³ См., например: Несовершеннолетние в уголовно-исполнительной системе России: проблемы исполнения наказания, социальной адаптации и их совершенствования. М.: Центр содействия правосудию при Фонде ИНДЕМ, 2002; Обучение социальных работников, занятых в ювенальной юстиции. Материалы курса. СПб.: Гражданский контроль, 2003.

признается необходимость специализации судей по этой категории дел. Однако до реализации всех этих рекомендаций пока еще далеко.

Принципы восстановительной юстиции могут быть, прежде всего, реализованы в рамках ювенальной юстиции.

Социальная помощь

Одним из важнейших, эффективных направлений социального контроля над девиантностью является предоставление социальной, психологической, медицинской помощи «исключенным», «униженным и оскорбленным» - страдающим наркотической и алкогольной зависимостью, бездомным и безработным, жертвам преступлений и семейного насилия, суицидентам, беспризорным, беженцам и вынужденным переселенцам, лицам, освободившимся из заключения и т.п.

И дело не только в элементарной гуманности. Все эти группы населения - реальный или потенциальный резерв девиантного поведения. Их реадаптация и ресоциализация - лучшее профилактическое средство.

Сегодня в мире, включая Россию, действуют тысячи и тысячи организаций, оказывающих целевую помощь жертвам насилия, лицам, страдающим наркотической и алкогольной зависимостью, заключенным и тем, кто только что освобожден из пенитенциарных учреждений, бездомным, беспризорным детям и подросткам, суицидентам. В каждой стране, в каждом крупном городе публикуются справочники для лиц, нуждающихся в том или ином виде помощи (например, Берлинский «Drogen. Rat und Hilfe» с предисловием сенатора по делам молодежи и семьи Томаса Крюгера; польский «Stowarzyszenie Monar: Informator»; российско-финский подробный справочник «Сотрудничество негосударственных организаций Финляндии и Санкт-Петербурга в сфере социального обеспечения и здравоохранения»). Издаются газеты и журналы для бездомных, а их распространение осуществляют сами бездомные, имея при этом легальный заработок (например, петербургские газета «На дне» и журнал «Путь домой»,

шотландский журнал «The Big Issue»). Выходят журналы для страдающих зависимостью (например, немецкий «Sucht Report»). Существует немало международных организаций различного уровня, представляющих и защищающих права тех или иных «исключенных», «девиантов». Наиболее известные из них – «Врачи без границ», «Международная амнистия» (*International Amnesty*), Международная Тюремная Реформа (*Penal Reform International - PRI*), Международное Общество Прав Человека (*Internationale Gesellschaft für Menschenrechte*), а также Международная комиссия по правам человека для гомосексуалов и лесбиянок и множество других.

Думается, многообразнейшие формы социальной помощи служит лучшим средством профилактики нежелательных девиантных проявлений.

Деятельность международных полицейских и судебных учреждений, многочисленные международные конвенции и иные международно-правовые акты – предмет специального рассмотрения²⁰⁴.

²⁰⁴ См., например: Белоусов К. Глобализация социального контроля над девиантностью против криминальной глобализации. В: Глобализация и девиантность. СПб.: Юридический центр Пресс. 2006. С. 315-343; Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания. М., 2006; Права человека: Основные международные документы. М., 1989; Судебный контроль и права человека. М., 1996.

